Я - телепат

Волф Мессинг

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Знаменитый советский телепат, деятельность которого в нашей стране пала на военные и послевоенные годы. Воль Григорьевич Мессинг рассказывает в этой книге о своей жизни и и своих необыкновенных способностях, природу которых он не понимал сам.

- О ВОЛЬФЕ МЕССИНГЕ, МИХАИЛЕ ВАСИЛЬЕВЕ И ЭТОЙ КНИЖКЕ
- ВСТУПЛЕНИЕ
- Глава 1.
- Глава II.
- ГЛАВА III.
- Глава VI. ЧТО Я МОГУ ЕЩЕ?
- Глава У. ЧТО Я МОГУ ЕЩЕ?
- ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О ВОЛЬФЕ МЕССИНГЕ, МИХАИЛЕ ВАСИЛЬЕВЕ И ЭТОЙ КНИЖКЕ

Для журналистов моего поколения пришла пора осваивать новый жанр - мемуары. Каждому найдется что вспомнить. Наша профессия заставляет встречаться с самыми различными людьми; многие из них забываются на следующий день, другие оставляют память на всю жизнь. К числу последних я отношу Вольфа Григорьевича Мессинга.

Уверен, что, если бы ему пришлось вспомнить об авторе этих строк, он не смог бы написать и страницы, хотя мы были знакомы не один год. Разница в возрасте, судьбе и взглядах решительно препятствовала сколь-нибудь близкому схождению. Да и вообще Вольф Григорьевич не нуждался в друзьях. Во всяком случае в тот период его жизни, когда мне посчастливилось с ним встречаться. Кто знает, может быть, и каждый не стремился бы к близким контактам с людьми, если бы природа наделила его способностью читать чужие мысли. Ведь иногда в голову приходит такое, что сам себя стыдишься.

Короче говоря, в общении Вольф Григорьевич почти никогда не был активной стороной. То ли печальный жизненный опыт, то ли языковый барьер, то ли постоянное нервное напряжение, которое, наверное, испытывает человек, пытающийся одновременно следить за несколькими ораторами, выделяли и отдаляли его. Внешне безучастный, погруженный в себя, сидел он при наших сборищах в сторонке, словно отдыхая от напряженного умственного труда, ни к кому не проявляя особенного интереса.

Ну а всех нас, попавших с ним в одну компанию, знаменитый телепат интриговал чрезвычайно. Еще не будучи знакомым с Мессингом, я побывал на его выступлении. Для артиста оно было, скорее всего, самым заурядным: публика не проявила особой изобретательности в заданиях, посылаемых на сцену в заклеенных конвертах; жюри, составленное в большинстве из военных, неуклюже пыталось выявить среди зрителей "подсадную утку"; а лекция, прочитанная вначале,^ убеждала аудиторию в конечном торжестве материалистической науки и в том, что постоянная тренировка и обостренная наблюдательность способны объяснить загадочный феномен Тем не менее большинству зала все происходившее казалось чудом и наверняка оставило неизгладимое впечатление.

Конечно может быть, нынешним юношам и девушкам, с младых лет прислушивающимся к спорам о летающих тарелочках,

читающим о полтергейсте в московских квартирах и наблюдавшим пассы журналиста Чумака, заряжающего жизненной энергией "Вечерку" по телевизору, трудно понять, с чего мы так разволновались на "Психологических опытах" Мессинга. Однако "в те баснословные года" стерильного позитивизма, подкрепленного расщеплением атома, расшифровкой генетического кода и прорывом в космическое пространство, Вольф I ригорьевич появился, как "незаконная комета среди расчисленных светил , стал возмутителем спокойствия.

Прошло уже много лет, но до сих пор помнится странное чувство которое охватило меня в тот вечер. Здесь был и острый интерес к действиям артиста, сначала не очень понятным, а потом, после распечатывания конверта с заданием, абсолютно логичным; и недоверие к человеку, способному совершать то, что недоступно другим; и желание, чтобы все у него получилось и чудо состоялось; и, наконец, смутная, но упорная тревога. Откуда она взялась? Уже потом, анализируя свое состояние, я понял, что в этот день простой и уютный мир примитивного материализма, где все было так хорошо пригнано, дал роковую трещину, из которой потянуло сквозняком иррационального. Вот это неожиданное расширение пространства, необходимость начинать познание с азов, сомнение во всемогуществе современной науки, ощущение собственной слабости и незащищенности перед явлением, которое тебе не дано не только повторить, но и понять, - все это рождало подсознательный страх.

Вольф Григорьевич любил называть себя артистом. В его облике действительно было много артистического. Резко очерченный профиль и длинные ниспадавшие на плечи волосы заставляли вспомнить портрет Паганини. И все же в выступлении отсутствовала главная артистическая черта легкость. Морщины на лице Мессинга собрались в глубокие складки, на лбу выступила испарина, руки заметно дрожали. Он нервничал, сердился, требовал от "индукторов" сосредоточенности. Казалось, что артист выполняет тяжелую, не очень любимую работу, и зрителям становилось неудобно перед пожилым человеком, вынужденным так напрягаться.

Но в то же время это не очень приятное зрелище вызывало четкую убежденность в том, что все происходящее не фокус, не розыгрыш и не тренировка наблюдательности. Вступительная лекция звучала как "жалкий лепет оправданья". В самом деле, как можно с помощью наблюдательности исполнить мысленный приказ открыть книгу не на 6, а именно на II странице? Человеческая мимика не очень приспособлена для передачи арифметических символов.Ученые мужи,создавшие

объяснительный текст, утверждали, что Мессинг улавливает невольные движения руки "индуктора", увлекающие артиста в нужную сторону, выдающие те действия, которые он должен совершить. Но ведь Мессинг работает и без контакта. Как тогда удается ему выполнить приказ? Вопросы возникают один за другим. Хорошо бы их задать самому артисту, но он, выполнив пожелание из последнего конверта, уже раскланивается с публикой. К сожалению, в зале не находится человека, который повторил бы реплику булгаковского председатели Акустической комиссии: "Все-таки желательно, гражданин артист, чтобы вы незамедлительно разоблачили бы перед зрителями технику ваших фокусов... Разоблачение совершенно необходимо. Без этого ваши блестящие номера оставят тягостное впечатление".

Впоследствии Вольф Григорьевич рассказывал, что ему разрешили давать концерты на определенных условиях: во-первых, он не имел права демонстрировать весь спектр своих удивительных возможностей, а во-вторых, необходимые пояснения давались только во вступительной лекции. Таким образом, вопросы задавать все равно не имело смысла. Однако судьба распорядилась так, что это табу удалось обойти.

Однажды (это было в начале 60-х годов), забежав в гости к Михаилу Васильевичу Хвастунову, который в то время руководил отделом науки "Комсомольской правды", я увидел у него человека, лицо которого показалось мне очень знакомым. Прежде чем я успел сообразить, кто это, он протянул мне руку: "Мессинг, Вольф Григорьевич".

Позднее я понял, почему не сразу узнал чудотворца, так долго владевшего моими помыслами. В домашней обстановке у него было совсем другое выражение лица - спокойное, доброжелательное, умиротворенное. Даже морщины куда-то исчезали. С этого дня наши встречи стали довольно регулярными. Выяснилось, что Михвас (так мы называли своего шефа) пишет книжку с Мессингом. Работал Михаил Васильевич напористо и самозабвенно. Так что поначалу Вольфу Григорьевичу приходилось часто бывать на Беговой улице "по долгу службы", а потом он привык и привязался к нашей молодежной компании, собиравшейся у Михваса что-то обсудить, отметить или просто потрепаться.

Нужно сказать, что это вообще был стиль тогдашнего отдела науки "Комсомолки". Все дела, подчас довольно ответственные, делались как-то походя, между разговорами и розыгрышами, чтением стихов и шутками, яростными спорами и легкими влюбленностями. То ли молодость тому виной, то ли атмосфера политической оттепели, то ли талант Михваса, непринужденно дирижирующего нашим веселым братством, но

только каждый человек, попадавший в сферу притяжения отдела науки, надолго переходил на постоянную орбиту научной журналистики. Среди "пленников" были Ярослав Голованов и Владимир Губарев, Леонид Репин и Юлий Медведев, Дмитрий Биленкин и Иосиф Нехамкин, Семен Резник и Владимир Станцо. Всех, кто сидел на старом диване отдела науки, предлагал темы и придумывал лихие заголовки, рассказывал о последних разработках ученых и просто выдавал забавные байки, нельзя уже не только перечислить, но даже и вспомнить.

Вольф Григорьевич любил бывать на наших сборищах. Здесь к нему никто не приставал с назойливыми просьбами что-нибудь продемонстрировать и он отдыхал от нервного напряжения своих концертов, словно подзаряжаясь от бьющей через край энергии молодых журналистов. Пожалуй, только один вопрос задавался ему регулярно, как правило, в новогоднюю ночь: будет ли война в будущем году? И всегда давался успокаивающий ответ. Сообщаю об этом отнюдь не для того, чтобы заставить поверить читателя в телепатические способности Мессинга - мы и сами не очень верили в реальность ядерного апокалипсиса. К тому же, Вольф Григорьевич демонстрировал свои таланты и без наших вопросов.

Помню, мы возвращались после встречи Нового года у Михваса. Проходя вдоль дома, закрывающего от нас улицу, мы вели разговор на тему, которую легко угадать безо всякой телепатии: как нам теперь добираться домой. Метро еще закрыто, трамваи не ходят, а шансы поймать такси равны нулю Мессинг, шагавший рядом, с последним соображением не согласился: "Сейчас машина освободится", - заметил он таким безразличным тоном, словно просил прикурить. Возражать на эту реплику было бессмысленно, а соглашаться с ней глупо. Поэтому все затихли и в полном молчании, не свойственном нашей компании, дошагали до арки и вышли на Беговую. И тут же из-за угла, поворачивая с Хорошевского шоссе, выскочила машина. Она остановилась почти у нашей группы, открылась дверь, вышла женщина, зажегся зеленый фонарик. Мы так оцепенели от неожиданности, что чуть не упустили этот подарок фортуны.

Должен заметить, именно такие, походя демонстрирующиеся чудеса вызывают наибольший психологический эффект. Как-то раз Мессинг, Михвас и я вошли в холл гостиницы, где увидели такую сцену. Молодая мамаша пыталась успокоить маленького сынишку, орущего во все горло. Проходя к лифту, Вольф Григорьевич на мгновение наклонился и что-то негромко сказал мальчику. Тот мгновенно успокоился и, улыбаясь, уставился на странного дядю. То же самое сделала и мама, причем челюсть у нее, как говорится, отвисла. Двери лифта уже закрывались, когда она крикнула:

"Скажите, откуда Вы узнали нашу семейную поговорку? Ведь я сама ее придумала!" Вольф Григорьевич посмотрел на нас с торжеством и улыбнулся.

Но вообще-то он не любил напоминать другим людям, что он отличается от них. Разве если кто попросит о помощи. Так, например, ему пришлось лечить журналистку М.Н. Ангарскую от головных болей. Сначала лечение проходило наложением рук, а потом целебное действие оказывал и звонок по телефону. Ярославу Голованову Мессинг предсказал, что у него будет сын, а мне - дочь. Но, как я уже говорил, мы старались не беспокоить Вольфа Григорьевича конкретными вопросами. Как и подобает популяризаторам науки, нас больше интересовали принципиальные проблемы. В частности, как вообще может передаваться мысль от одного человека к другому? Ну, ладно. В этом случае еще можно предположить существование каких-то неизвестных науке волн - переносчиков информации. А как можно получить сведения из будущего? Те события, которые должны дать импульс для изменения материального носителя информации, в принципе еще не произошли. Разве можно смириться с нарушением закона, связывающего причину и следствие?

К сожалению, на все наши вопросы ответов не последовало. Удивляться тут нечему. Разве в состоянии изобретатель объяснить, как пришла к нему в голову оригинальная техническая идея, разве может композитор рассказать, почему возникает в его душе пленительная мелодия, разве понимает гроссмейстер, откуда берутся хитроумные варианты и комбинации? Древние мудрецы, призывавшие нас познать самих себя, поставили перед людьми почти неразрешимую задачу и, возможно, увлекли человечество на ложный путь. Мы - слишком сложный предмет для изучения, а потому, извлекая из самих себя некий намек, не лучше ли реализовать его на простых моделях?

Мессинг мог бы сказать о себе словами любимого поэта Михваса - Валерия Брюсова: "Не знаю сам какая, но все ж я миру весть". Самая ценная информация, содержащаяся в "Психологических опытах" Вольфа Григорьевича, это факт их существования. Думается, выступления Мессинга пресекли заговор молчания вокруг поразительных особенностей человеческой психики. Упорно твердя, что материя первична, мы так и не научились изучать возможности вторичного духа, надолго застряли на первом этаже величественного здания природы.

У меня сложилось впечатление, что самого Вольфа Григорьевича такая ситуация не очень-то и огорчала. Он жил в своем мире, привык к нему и не находил нужным кого-либо воспитывать и образовывать. Попытка разгадки, намеченная в

>той книге, принадлежит, скорее всего, литобработчику Михвасу. Мессинг не был склонен к теоретизированию. Человек он был конкретный, заземленный и начисто лишенный фантазии По его собственному выражению, он был "больной на точность". Если Вольф Григорьевич обещал быть в семь часов, то по звонку в дверь можно было ставить часы. Все эти человеческие качества заставляют относиться к его рассказам с полным доверием, как бы удивительно они ни выглядели.

Впрочем, иногда предоставлялась возможность проверить истории Мессинга. Не было случая, чтобы они не подтвердились. В частности, он рассказал, как добирался из Варшавской тюрьмы на советскую территорию. Выглядел Вольф Григорьевич подозрительно, а потому был задержан соответствующими органами. Особое недоверие вызывала, конечно, его профессия - чтение мыслей. Никто из допрашивавших не удержался от соблазна поймать авантюриста с поличным. Каждый задавал, да не раз, один и тот же вопрос: "А вот сейчас о чем я думаю?" Получив правильный ответ, ошарашенный следователь не решался взять грех на свою душу и отправлял Мессинга выше по инстанции.

Таким образом добрался он до первого секретаря ЦК белорусской компартии. Ввели его в кабинет, где Вольфа Григорьевича встретил хозяин и пригласил присесть. В беседе должен был принять участие еще один человек - нарком республиканского НКВД. Вскоре он появился в штатской одежде и направился к посетителю. Тот посмотрел внимательно на чекиста и сказал: "Так вот кто хочет меня расстрелять!" Нарком опешил, такое предложение он уже делал первому секретарю. Было решено отправить Вольфа Григорьевича в Москву. Через некоторое время после того, как мне довелось услышать эту историю, Мессинг отмечал свой день рождения. На нем присутствовал бывший член Президиума ЦК КПСС Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Он подтвердил правдивость рассказа, именно в его кабинете все это и происходило.

В столице проверку способностей Мессинга проводил сам Л.П. Берия. Именно в его кабинет вошел без пропуска Вольф Григорьевич. Можно представить удивление секретаря, когда в дверях появился длинноволосый незнакомец в черном лапсердаке. Покидая без пропуска страшное здание, Мессинг представил себе, что это сам Лаврентий Павлович следует к выходу. Охрана взяла под козырек. На противоположной стороне улицы Вольф Григорьевич оглянулся. К стеклу кабинета, где он только что был, прильнула бледная физиономия в пенсне. Мессинг помахал рукой.

И. В. Сталин тоже имел возможность убедиться в реальности предсказаний Вольфа Григорьевича. В мае 1945 года он направил

ему правительственную телеграмму с благодарностью за точно названный день окончания войны. А исход ее был предсказан Мессингом еще раньше.

Меня всегда удивляло, как уцелел замечательный артист в то кровавое время. Возможно, он был нужен кому-то из тогдашних заправил, не исключено, что на него имелись какие-то виды, а может быть, его судьба была предопределена высшими силами: не зря же ведомый предчувствием шел Вольф Григорьевич на восток.

Журналист Михаил Васильев (так он подписывал свои книги) закончил работу над рукописью, но Вольф Григорьевич по-прежнему появлялся на Беговой и так же тихо сидел среди нас на своем любимом месте. Глядя на него, очень хотелось на несколько минут позаимствовать удивительный дар и прочитать мысли этого много повидавшего человека. О чем он сейчас думает? О встречах с Эйнштейном или Фрейдом, Пилсудским или Сталиным? А может, вспоминает турне по Америке или переживает близкую смерть одного из веселящихся за этим столом молодых людей? Начинаешь пристально вглядываться в высокий лоб опустившего усталые веки седеющего человека и тут же спохватываешься: а вдруг он в это время ловит сигналы твоего мозга? Торопливо пытаешься переключиться на другую тему, по возможности нейтральную.

Правда, сам Вольф Григорьевич утверждает, что дома и в гостях он "выключает" свой телепатический приемник, но кто его знает, вдруг он просто не хочет осложнять жизнь друзьям. К сожалению, маленькое неудобство, связанное с талантами нашего старшего товарища, мы испытываем все реже - у Михваса с Мессингом произошла размолвка. Причина нелепая, но оба относятся к ней на удивление серьезно.

Михаил Васильевич считает, что Вольф Григорьевич обязан помочь науке раскрыть тайны своей удивительной психики. Последний уверен, что из этой затеи ничего путного не выйдет и совсем не намерен превратиться в подопытного кролика. Кто из них прав? В те годы мне была ближе точка зрения Михваса, а сейчас склоняюсь к позиции Мессинга. Упрямый журналист и обидчивый, как ребенок, артист сначала жалуются друг на друга, а потом встречаются все реже и реже. И вот наступает день, когда я в последний раз провожаю Вольфа Григорьевича домой, с Беговой на Песчаную. Как это было недавно, как это было давно!

Осталась рукопись, частично она публиковалась в периодике. Вы легко обнаружите в ней и предрассудки тех лет, и отголоски того спора двух людей, о котором я только что говорил. Исправить это уже невозможно, так как давно нет в живых ни того, ни другого.

Рем ЩЕРБАКОВ

Светлой памяти
Аиды Мессинг
посвящается
Автор

ВСТУПЛЕНИЕ

Сегодня мне предстоит выступить с очередным сеансом моих "Психологических опытов". Мне предстоит выйти в зал, где сидит почти тысяча человек и все смотрят на меня. Мне надо захватить этих людей, взволновать и удивить их, показывая им мое искусство, которое большая половина из них считает чудесным, удивить и в то же время, не разочаровывая, убедить их, что ничего чудесного в этом нет, что все это делается силой человеческого разума и воли.

А ведь это совсем не легко - выйти одному в зал, где на тебя устремлены тысячи глаз: недоверчивых, сомневающихся, бывает и просто враждебных, - и без сочувствия, без поддержки, во всяком случае, в первые самые трудные минуты, выполнить свою работу.

Психологические опыты - это моя работа, и она совсем не легка! Мне надо собрать все свои силы, напрячь все свои способности, сконцентрировать всю свою волю, как спортсмену перед прыжком, как молотобойцу перед ударом тяжелой кувалдой. Мой труд не легче труда молотобойца и спортсмена. И те, кто бывали на моих психологических опытах, иной раз видели капли пота, выступающие у меня на лбу...

Сегодня мне выступать... И задолго до начала выступления, когда зрители только еще начинают думать о том, что вечером они встретятся со мной, я уже там - в этом большом, пока еще пустом зале, где должна состояться наша встреча. В раздевалке висят одинокие два-три пальто... Уборщицы возятся с пылесосами, завершая очистку зала... Администрация занимается текущими делами. Я прохожу в артистическую комнату и закрываю за собой дверь... Мне надо побыть одному.

Но вот я чувствую, что скоро выходить на сцену... В фойе стоят группами молодые и пожилые люди, мужчины, женщины, юноши, девушки... Инженеры и бухгалтеры... Ученые и металлисты... Военные... Строители... Горняки... Мне приходилось выступать в разных местах и, соответственно, перед разными аудиториями. В годы войны зал был битком набит людьми в одноцветной защитной форме - ни одного голубого или белого пятнышка девичьего платья не удавалось увидеть. На дальних стройках Сибири и теперь еще зал заполняют преимущественно люди в комбинезонах. Они приходят сюда прямо с работы - эти веселые ребята: бетонщики, плотники, сварщики, бульдозеристы... На целинных землях в зале, бывает, не найдешь ни одной седой или лысой головы - сплошь молодые улыбающиеся лица... И со всеми надо найти контакт. Но всегда я

сидел вот так, как сегодня, перед выступлением в полном одиночестве, собираясь с силами и представляя себе их - этих людей, с которыми в этот вечер мне предстоит встретиться.

Я испытываю к ним острейший интерес! Сознаюсь, нередко перед началом опытов, когда я чувствую, что уже успел внутренне собраться и готов к выступлению, я выхожу на сцену, приоткрываю слегка занавес и сквозь щель смотрю в зал. Еще стоят в проходах между рядами люди. Смотрят на билеты. Ищут свои места. Встречаются со знакомыми. Разговаривают. Обрывки слов иногда долетают до моих ушей. Нередко разговор заходит обо мне.

Вот проходит молодой человек с несколько холодным, как мне кажется, лицом. Он ведет под руку красивую девушку.

- Очень тонкое шарлатанство... Помнишь Кио? Тоже, ведь, не могли мы разгадать его фокусов... А тот и не скрывал, что он фокусник, иллюзионист. Того же типа и Мессинг... Только не так-то легко разоблачить его здесь, на сцене.

Не скрою - обидно! Никогда в жизни я не говорил неправды. Все, что я делаю на сцене и в зале, - открыто со всех сторон. У меня нет ни хитроумной аппаратуры, как у Кио и других иллюзионистов, ни сверхразвитой ловкости пальцев, как, скажем, у известных манипуляторов Дика Читашвилп или Лшота Акопяна... Не прибегаю я и к чревовешаним, шифрованной сигнализации с тайными помощниками. Я не фокусник, даже не артист, хотя выступаю на эстраде. Я демонстрирую психологические опыты. И ничего больше И мне неприятно, когда меня считают шарлатаном и обманщиком...

Преходите на свой ряд, молодой человек! Я буду рад, если Вы перемените сегодня свое мнение.

Рядом со мной, в двух шагах от портьеры, остановилась новая группа людей. До меня доносится голос:

- У него за ухом шишка... В нее вшит прямо под кожу радиоприемник на полупроводниках... Вот увидите: он все время будет руку за ухо прикладывать - настраивать на нужную волну... А в зале сидят тайные помощники с радиопередатчиками. Они ему и диктуют, что делать... Никаких чудес здесь нет...

Это рассказывает трем юношам пожилой человек, возможно, их учитель.

Внутренне улыбаюсь! Да, у меня есть привычка во время сеанса правую руку прикладывать раструбом к уху - этим я хочу подчеркнуть свое внимание, показать, что я напряженно вслушиваюсь... А вот шишки за ухом у меня уже нет. Была... Незлокачественное жировое образование, какое встречается у многих. Впервые услышав, что в этом месте у меня вшит

радиоприемник, я пошел к профессору Борису Васильевичу Петровскому и попросил удалить нарост. Надо будет во время сеанса специально подойти поближе к этим юношам и продемонстрировать им свою голову. Пусть убедятся, что я не обвешан аппаратурой...

...Еще двое. Видимо, молодые физики. Продолжается начатый в фойе, а может быть и еще раньше, горячий спор:

- Но электромагнитный спектр изучен во всем диапазоне. От сверхжестких гамма-лучей до сверхдлинных радиоволн. В нем нет ни одного участка, на котором могла бы осуществляться телепатическая связь.

- Парапсихическая связь...

- Дело не в терминах...

- Понимаю, что не в терминах, но слово телепатия, к сожалению, скомпрометировано доморощенными всезнайками.

- Но все равно, материального поля, которое бы служило передачей информации непосредственно из мозга в мозг, - не существует...

- Друг мой! Всего сто лет назад, если смотреть с этих позиций, не было материального поля для передачи звуков и изображения на большие расстояния. Ведь радиоволны-то были открыты Генрихом Герцем только в 1886 году.

- Ты думаешь, существует еще какое-нибудь поле?

- А почему бы и нет?

- Оно было бы уже замечено учеными.

- С помощью приборов, предназначенных для изучения электромагнитного поля? Попробуй ватерпасом или безменом замерить напряженность радиоволн.

- Да, ты прав... Было бы интересно поработать с самим Мсссингом! Посадить его в заземленную медную клетку. Смог ли бы он оттуда читать мысли? Это сразу бы исключило возможность участия здесь любых лучей электромагнитного спектра.

Превратить Мессинга в подопытного кролика?

Неприлично.

Они проходят в зал. Жаль... Умные ребята! И я бы не отказался от почетной, с моей точки зрения, роли подопытного кролика - посидеть в заземленной медной клетке. Мне самому было бы интересно узнать, участвует ли в моих психологических опытах электромагнитное поле? Или надо искать новые виды поля, которые не регистрируются и не отмечаются существующими сегодня приборами физиков.

Две дамы в вечерних платьях:

- Милочка, это настоящий волшебник! Как граф Калиостро! Ах, ты не веришь мне: в наш материалистический век угасла вера

в настоящее волшебство! Вот сама увидишь! То, что он показывает, - это сотая доля того, что он может. Он, например, может принимать облик любого животного, превращаться в тигра или собаку...

- Почему же он не превращается?

- Ему запретили это делать. Он подписку дал.

Да, и такую чушь о себе приходится иной раз слышать! Молодые люди:

- Нет, Мессинг не обманщик. Но он и не телепат. Гигантский жизненный опыт. Привычка по одному взгляду составлять полное представление о человеке.

Прошли мимо.

Снова группа молодых людей.

- Никакого чуда, конечно, нет. Но есть удивительные способности. Или - точнее - чрезвычайно развитые способности. Да, да... Я уже присутствовал на психологических опытах

11 нашей клинике и утверждаю: все дело в удивительных способностях этого человека. Ничего общего не имеющих ни с фокусничеством, ни, конечно, с какой бы то ни было чертовщиной...

Удивительные непонятные способности? Да, непонятные! Ну, а когда ты слушаешь только что рожденные на твоих глазах стихи поэта-импровизатора, - разве это так уж понятно? А человек с математическими способностями, в уме перемножающий, возводящий во вторую и третью степень девятизначные числа, - это разве понятно?

- Это верно, - продолжает другой, - действительно, многое ли мы знаем сейчас о способностях человека? Тайна рождения в мозгу человека идеи, мысли - и сегодня еще неличайшая тайна природы. Рефлексы, первая и вторая сигнальные системы - это только самые дальние подходы к расшифровке этой тайны. Да, мы вышли в космос, разгадали тайну атомного ядра, сняв с нее семь печатей, - и расщепляющийся атом уже покорно служит нам, рождая для нас электрический свет. Но, видно, прорваться в мир элементарных частиц было легче, чем разгадать тайну рождения мысли.

- Как ты думаешь, разгадаем?

- Уверен, настанет время и ум человека разберется и в себе самом. И кто знает, может быть именно психологические опыты Вольфа Мессинга могут стать одним из тех ключиков, с помощью которых будут открывать двери к этим самым сокровенным секретам природы?

...Спасибо вам, друзья, за эти слова! Конечно же, никакого чуда нет, да и быть не может! Я сам думаю так же. Мне радостно.

Я чувствую прилив сил. В зале есть люди, которых интересует мое искусство, которым оно, может быть, поможет в жизни, в труде, в открытиях новых тайн природы. Сегодня я буду особенно хорошо работать...

Но звонит звонок. Зрители расходятся по своим местам. А я иду назад в пустую комнату. У меня есть еще несколько минут для того, чтобы сосредоточиться.

Потом - два часа напряженной работы. Я буду говорить о них позже подробнее. Это труднейшие и в тоже время самые счастливые в моей жизни часы. Это - часы творчества! Наверное, так же счастлив поэт, поймавший, наконец, ускользнувшую рифму, художник, схвативший и на века пригвоздивший к полотну мимолетное дыхание прибрежного ветерка. Жизнь была бы пустой и ненужной без этих труднейших и счастливейших часов творчества.

А потом в той же пустой комнате я пью крепкий горячий чай. Готовясь к выступлению, я ем очень мало. Нередко в этот день я вообще не обедаю. И этот чай, заработанный мной, кажется особенно сладок. Я чувствую усталость и удовлетворение. Такое же удовлетворение чувствует каждый рабочий человек, окончивший свой труд и пьющий, как я, свой стакан чая.

Я дал людям радость. Я заставил их думать. Спорить. Теперь можно и отдохнуть.

В это время обычно заходят ко мне люди, которые хотят мне высказать свои соображения о моих опытах, быть может, с чем-нибудь не согласиться, поспорить, попросить объяснения, а то и просто посоветоваться о каком-то трудном случае из жизни. Но большинство уносит эти вопросы с собой. Домой. И, уже в других городах, на других сеансах, другими людьми они вернутся ко мне в таких же разговорах, какие я слушал сегодня перед началом сеанса.

Возвращаются к себе домой, а может быть, направляются на ночное дежурство и молодые врачи, разговор которых так взволновал меня. Идут домой или к незаконченным чертежам и молодые физики, мечтавшие поговорить со мной. Увы! Я не могу поговорить со всеми. Но я постараюсь на страницах этой книги ответить на все вопросы, которые мне когда бы то ни было задавали. Ответить абсолютно откровенно, ничего не скрывая, ничего не приукрашивая. К сожалению, далеко не всем я могу дать достаточно исчерпывающие объяснения: многие свойства моего мышления я сам не понимаю. Я был бы рад, если бы кто-нибудь помог в этом разобраться.

Глава 1.
ГОДЫ И ВСТРЕЧИ

Я родился в России, точнее, на территории Российской империи, в крохотном еврейском местечке Гора-Калевария близ Варшавы. Произошло это 10 сентября 1899 года.

Трудно сейчас представить и описать жизнь такого местечка - однообразную, скудную, наполненную предрассудками и борьбой за кусок хлеба. Гораздо лучше меня это сделал в своих произведениях великий еврейский писатель Шолом-Алейхем. Этого удивительного человека, так великолепно знавшего жизнь и чаяния еврейской бедноты, я любил с раннего детства. С первой и, к сожалению, единственной нашей личной встречи, когда ему, уже прославленному писателю, остановившемуся проездом в наших местах, демонстрировали меня, девятилетнего мальчика, учившегося успешнее других. Помню его внимательный взгляд из-под очков, небольшую бородку и пышные усы. Помню, как он ласково потрепал меня по щеке и предсказал большую будущность.

Нет, это не было предвидением. Просто Шолом-Алейхем верил в неисчерпаемую талантливость народа и в каждом втором мальчике хотел видеть будущее светило. Эта вера отчетливо проявилась и в его насквозь проникнутых теплотой к простым людям книгах. Вспомните хотя бы роман "Блуждающие звезды". Конечно, с его новеллами, романами и пьесами я познакомился значительно позднее. Но и сейчас еще, когда я открываю иные страницы его книг, меня охватывают впечатления раннего детства. Вот к этим волшебным страницам одного из самых любимых моих писателей я и отсылаю своего читателя, который хочет представить жизнь еврейского местечка, в котором я появился на свет и прожил первые годы своей жизни.

От этих первых лет не так уж много осталось у меня в памяти. Маленький деревянный домик, в котором жила наша семья - отец, мать и мы, четыре брата. Сад, в котором целыми днями возился с деревьями и кустами отец и который нам не принадлежал. Но все же именно этот сад, арендуемый отцом, был единственным источником нашего существования. Помню пьянящий аромат яблок, собранных для продажи. Помню лицо отца, ласковый взгляд матери, детские игры с братьями. Жизнь сложилась потом нелегкой, мне, как и многим моим современникам, довелось немало пережить, и превратности судьбы оказались такими, что от детства в памяти не осталось

ничего, кроме отдельных разрозненных воспоминаний.

Отец, братья, все родственники погибли в Майданеке, в Варшавском гетто. Мать, к счастью, умерла раньше от разрыва сердца. И у меня не осталось даже фотокарточки от тех лет. Ни отца... ни матери... ни братьев...

Вся семья - тон этому задавали отец и мать - была очень набожной, фанатически религиозной. Все предписания религии исполнялись неукоснительно. Бог в представлениях моих родителей был суровым, требовательным, не спускавшим ни малейших провинностей. Но честным и справедливым.

Отец не баловал нас, детей, нежностью. Я помню ласковые руки матери и жесткую, беспощадную руку отца. Он не стеснялся задать любому из нас самую суровую трепку. В таком случае, к нему нельзя было прийти пожаловаться на то, что тебя обидели. За это он бил беспощадно, обиженный был для него вдвойне и втройне виноватым за то, что позволил себя обидеть. Это была бесчеловечная мораль, рассчитанная на то, чтобы вырастить из нас зверят, способных выжить в жестком и беспощадном мире.

Позже мне рассказывали, что в самом раннем детстве я страдал лунатизмом. Якобы мать однажды увидела, как я во сне встал с кровати, подошел к окну, в которое ярко светила луна, и, открыв его, попытался влезть на подоконник...

Излечили меня, - опять же по рассказам, - корытом с холодной водой, которое в течение некоторого времени ставили у моей кровати. Вставая, я попадал ногой в холодную воду и просыпался. Какова доля правды в этом сообщении, установить не берусь, но я дал обещание ни о чем не умалчивать. Может быть, какой-нибудь, на первый взгляд, совсем малозначащий эпизод окажется для кого-нибудь из специалистов, прочитавших эту книгу, наиболее интересным и важным.

Когда мне исполнилось шесть лет, меня отдали в хедер. Это слово немного говорит современному читателю. Но ведь шестьдесят лет назад три четверти населения царской России были вообще неграмотными. И люди ниже среднего достатка, какими были мои родители, да еще в бедном еврейском местечке, могли учить своих детей только в хедере - школе, организуемой раввином при синагоге. Основным предметом, преподаваемым там, был талмуд, молитвы из которого страница за страницей мы учили наизусть.

У меня была отличная память, и в этом довольно-таки бессмысленном занятии - зубрежке талмуда я преуспевал. Меня хвалили, ставили в пример. Именно эта моя способность и явилась причиной встречи с Шолом-Алейхемом. Но общая религиозная атмосфера, царившая в хедере и дома, сделала меня

крайне набожным, суеверным, нервным.

Отметив мою набожность и способность к запоминанию молитв талмуда, раввин решил послать меня в специальное учебное заведение, готовившее духовных служителей, иешибот. У моих родителей и мысли не появилось возразить против этого плана. Раз раввин сказал, значит так надо! Но мне отнюдь не улыбалась перспектива надеть черное платье священнослужителя.

Я наотрез отказался идти после окончания хедера в иешибот. Со мной сначала спорили, потом отступились. И тут произошло первое и единственное в моей жизни чудо, в которое я верил довольно долго.

Однажды отец послал меня в лавку за пачкой папирос. Время было вечернее, солнце зашло, и наступили сумерки. К крыльцу своего дома я подошел уже в полной темноте. И вдруг на ступеньках выросла гигантская фигура в белом одеянии. Я разглядел огромную бороду, широкое скуластое лицо, необыкновенно сверкавшие глаза... Воздев руки в широких рукавах к небу, этот небесный - в моем тогдашнем представлении - вестник произнес:

- Сын мой! Свыше я послан к тебе. Предречь будущее твое во служение богу. Иди в иешибот! Будет угодна богу твоя молитва...

Нетрудно представить себе впечатление, которое произвели эти слова, сказанные громоподобным голосом, на нервного, мистически настроенного, экзальтированного мальчика. Оно было подобно вспышке молнии и удару грома. Я упал на землю и потерял сознание...

Очнулся - надо мной громко читают молитвы склонившиеся дети и мать. Помню их встревоженные лица. Но едва я пришел в нбя, тревога родителей улеглась. Я рассказал о случившемся со мной. Отец, внушительно кашлянул, произнес:

- Так хочет бог... Ну, пойдешь в иешибот? Мать промолчала.

Потрясенный происшедшим, я не имел сил сопротивляться и пынужден был сдаться.

Помню иешибот. Он помещался в другом городе, и с этого началась моя жизнь вне дома. Опять талмуд, те же самые, что и хедере, молитвы. Более широкий круг учителей, сменявших друг друга, преподносивших нам разные науки. Кормился - по суткам - в разных домах. Спал - в молитвенном доме. Так прошло два года. И так, наверное, и сделали бы из меня раввина, если бы не одна случайная встреча.

Однажды, в том самом молитвенном доме, где я жил, остановился странник - мужчина гигантского роста и атлетического телосложения. Каково же было мое изумление, когда по голосу я узнал в нём того самого "посланника неба",

который наставлял меня от имени самого господа бога на путь служения ему. Да, это было то же лицо: широкая борода, выдающиеся скулы. Я испытал потрясение не меньше, чем в момент первой с ним встречи.

Значит, отец просто сговорился с этим прошедшим огонь и воды проходимцем, может быть, даже заплатил ему, чтобы тот сыграл свою "божественную" роль! Значит, отец попросту обманул меня, чтобы заставить пойти в иешибот! Если пошел на обман мой всегда справедливый и правдивый отец, то кому же верить?! Тогда ложь - все, что я знаю, все, чему меня учили. Может быть, лжет и бог?! Может быть, его и нет совсем? Ну, конечно же, его нет, ибо существуй он, всезнающий и всевидящий, ни за что не допустил бы такое. Он на месте поразил бы громом нечестивца, осмелившегося присвоить себе право говорить от его имени. Нет бога... Нет бога!

Примерно такой вихрь мыслей пронесся у меня в голове, мгновенно разметав в клочки и очистив мой разум от всего того мусора суеверий и религиозности, которым меня напичкали в семье и в духовных школах.

Мне нечего было больше делать в иешиботе, где меня пытались научить служить несуществующему богу. Я не мог вернуться и домой к обманувшему меня отцу. И я поступил так, как нередко поступали юноши в моем возрасте, разочаровавшиеся во всем, что было для них святого в жизни: обрезал ножницами длинные полы свсей одежды и решил бежать. Но для этого нужны были деньги, а где их взять? И тогда я совершил одно за другим сразу три преступления.

Сломав кружку, в которую верующие евреи опускали свои трудовые деньги "на Палестину", и, твердя про себя извечные слова всех обиженных и угнетенных: "Вот вам за это!", - я пересыпал себе в карман все ее содержимое. Раз бога нет, значит, - теперь все можно... К счастью, оказалось, что это не так, что есть, и помимо угрозы божьего наказания, мотивы, удерживающие человека от дурных поступков. Но в те годы я еще не знал, что обманывать, совершать непорядочные поступки - это прежде всего терять уважение к самому себе. Я присел на холодных ступеньках молельного дома и пересчитал украденные деньги. Оказалось, как сейчас помню, восемнадцать грошей, которые составляли девять копеек. И вот, с этим "капиталом", с опустошенной душой и сердцем я отразился навстречу неизвестности.

Пошел на ближайшую станцию железной дороги. Очень хотелось есть - путь был неблизкий. Накопал на чужом поле картошки (второе преступление за одну ночь!). Разжег костер,

испек ее в золе. Для меня и теперь нет лучшего лакомства, чем печеный картофель - рассыпчатый, пахнущий дымом, с неизбежной добавкой солоноватой золы.

Вошел в полупустой вагон первого попавшегося поезда. Оказалось, что он шел в Берлин. Залез под скамейку, ибо билета у меня не было (третье преступление!). И заснул безмятежным сном праведника. Но этим не исчерпывались события столь памятной для меня ночи.

Случилось то, что неизбежно должно было случиться и чего я больше всего боялся: в вагон вошел кондуктор. Поезд приближался к Познани. Кондуктор осторожно будил заснувших пассажиров, тряся их за плечо, и проверял билеты. Не быстро, но неотвратимо он приближался ко мне. По временам кондуктор наклонялся и заглядывал под скамейки Вагон был плохо освещен - огарками свечей - в двух стеклянных фонарях. Под скамейками лежали мешки и узлы пассажиров. И поэтому он заметил меня, только заглянув непосредственно под мою скамейку.

- Молодой человек, - у меня в ушах и сегодня еще звучит его голос, - ваш билет!

Нервы мои были напряжены до предела. Я протянул руку и схватил какую-то валявшуюся на полу бумажку - кажется, обрывок газеты. Наши взгляды встретились. Всей силой страсти мне захотелось, чтобы он принял эту грязную бумажку за билет... Он взял ее, как-то странно повертел в руках. Я даже сжался, напрягся, сжигаемый неистовым желанием. Наконец, контролер сунул ее в тяжелые челюсти компостера и щелкнул ими. Протянув мне назад "билет", он еще раз посветил мне в лицо своим кондукторским фонарем со свечкой, будучи, видимо, в полном недоумении: этот маленький худощавый мальчик с бледным лицом, имея билет, зачем-то забрался под скамейку.

- Зачем же вы с билетом - и под лавкой едете? Есть же места. Через два часа будем в Берлине...

Несколько лет назад я прочитал роман Лиона Фейхтвангера "Братья Лаутензак". Один из братьев - действительно исторически существовавшее лицо, - личный, так сказать, "ясновидящий" Адольфа Гитлера. Я знал этого человека - его настоящее имя Ганусен. Мне еще придется вспоминать о нем. Здесь я только хочу обратить внимание читателя на те строки этого романа, где Фейхтвангер рассказывает о первых проявлениях необыкновенных способностей Оскара Лаутензака, о его психологическом поединке с учителем.

Не выучившего урок Оскара должен вызвать учитель. Вот карандаш учителя остановился против его фамилии в списке... Вот он смотрит на Оскара и перебирает в памяти вопросы - о чем

бы его спросить. Оскар знает из всего материала ответ только на один вопрос. И, глядя прямо в глаза учителю, твердит про себя: спроси это, спроси это... И задумавшийся учитель задает именно тот вопрос, который нужен маленькому Оскару...

Не знаю, кто рассказывал Фейхтвангеру этот эпизод, но он психологически удивительно точен. Именно так: в минуту максимального душевного напряжения обычно впервые проявляются способности к внушению. Такое произошло и со мной, когда я лежал на грязном полу под скамейкой вагона, направляющегося в Берлин.

Кстати, это и не так уж трудно, это доступно почти каждому - внушить другому человеку, не знающему, какое из нескольких равноценных решений ему следует принять, отдать предпочтение тому или иному варианту... Может быть, и вы, если покопаетесь в памяти, вспомните подобное неосознанное внушение, сделанное вами. Мой первый неожиданный для меня самого опыт внушения был куда труднее! Это было первое в моей жизни яркое проявление тех способностей, которые часто считают удивительными.

Так кончилось детство. Пожалуй, точнее, у меня не было детства. Была холодная жестокость озлобленного жизнью отца. Была убивающая душу зубрежка в хедере. Только редкие и торопливые ласки матери могу я вспомнить с теплотой. А впереди была трудная кочевая жизнь, полная взлетов и падений, успехов и огорчений. Впрочем, вряд ли бы согласился я и сегодня сменить ее на любую другую.

Берлин. Много позже я полюбил этот своеобразный, чуть сумрачный город. Конечно, я имею в виду довоенный Берлин; в последние десятилетия я не был в нем. А тогда, в мой первый приезд, он не мог не ошеломить меня, не потрясти своей огромностью, людностью, шумом и абсолютным, так казалось, равнодушием ко мне. Я знал, что на Драгунштрассе останавливаются люди, приезжавшие из нашего городка, и нашел эту улицу. Вскоре я устроился посыльным в доме приезжих. Носил вещи, пакеты, мыл посуду, чистил обувь.

Это были, пожалуй, самые трудные дни в моей нелегкой жизни. Конечно, голодать я умел и до этого, и поэтому хлеб, зарабатываемый своим трудом, казался особенно сладок. Но уж очень мало было этого хлеба! Все кончилось бы, вероятно, весьма трагически, если бы не случай.

Однажды меня послали с пакетом в один из пригородов. Это случилось примерно на пятый месяц после того, как я ушел из дома. Прямо на берлинской мостовой я упал в голодном обмороке. Привезли в больницу. Обморок не проходит. Пульса

нет, дыхания нет. Тело холодное. Особенно это никого не взволновало и не обеспокоило. Перенесли меня в морг. И могли бы легко похоронить меня в общей могиле, если бы какой-то студент не заметил, что сердце мое все-таки бьется. Почти неуловимо, очень редко, но бьется.

Привел меня в сознание на третьи сутки профессор Абель. Это был талантливый психиатр и невропатолог, пользовавшийся известностью в своих кругах. Ему было лет 45. Был он невысокого роста. Помню хорошо его полное лицо с внимательными глазами, обрамленное пышными бакенбардами. Видимо, ему я обязан не только жизнью, но и развитием своих способностей.

Абель объяснил мне, что я находился в состоянии летаргии, вызванной малокровием, истощением, нервными потрясениями. Его очень удивила открывавшаяся у меня способность управлять своим организмом. От него я впервые услышал слово "медиум". Он сказал: - Вы - удивительный медиум. Тогда я еще не знал значения этого слова. Абель начал ставить со мной опыты. Прежде всего он старался привить мне чувство уверенности в себе, в свои силы. Он сказал, что я могу приказать себе все, что только мне захочется,

Вместе со своим другом и коллегой профессором-психиатром Шмиттом, Абель проводил со мной опыты внушения. Жена Шмитта отдавала мне мысленные приказания, я выполнял их. Эта дама, я даже не помню ее имени, была моим первым индуктором.

Первый опыт был таким. В печку спрятали серебряную монету, но достать ее я должен был не через дверцу, а выломав молотком кафель в стенке. Это было задумано специально, чтобы не было сомнений в том, что я принял мысленно приказ, а не догадался о нем. И мне пришлось взять молоток, разбить кафель и достать через образовавшееся отверстие монету.

Мне кажегся, с улыбки Абеля начала мне улыбаться жизнь. Абель познакомил меня и с первым моим импресарио г-ном Цельмейстером. Это был очень высокий стройный и красивый мужчина лет 35 от роду - представительность не менее важная сторона в работе импресарио, чем талантливость его подопечных актеров. Господин Цельмейстер любил повторять фразу: "Надо работать и жить!". Понимал он ее своеобразно. Обязанность работать предоставлял своим подопечным. Себе же оставлял право жить, понимаемое весьма узко. Он любил хороший стол, марочные вина, красивых женшин. И имел *все* это и в течение длительного ряда лет за мой счет. Он сразу же продал меня в берлинский паноптикум. Еженедельно в пятницу утром, до того, как раскрывались ворота паноптикума, я ложился в хрустальный гроб и приводил себя в каталептическое состояние. Дальше

придется говорить об этом состоянии. Сейчас же ограничусь сообщением, что в течение трех суток,- с утра до вечера, я должен был лежать совершенно неподвижно. И по внешнему виду меня нельзя было отличить от покойника.

Берлинский паноптикум был своеобразным зрелищным предприятием: в нем демонстрировались живые экспонаты. Попав туда в первый раз, я испугался. К одном помещении стояли сросшиеся боками девушки-сестры. Они перебрасывались смелыми и не всегда невинными шутками с проходившими мимо молодыми людьми. В другом помещении находилась толстая женщина, обнаженная до пояса, с огромной пышной бородой. Кое-кому из публики разрешалось подергать за эту бороду, чтобы убедиться в ее естественном происхождении. В третьей комнате сидел безрукий в трусиках, умевший удивительно ловко одними ногами тасовать и сдавать игральные карты, и сворачивать самокрутку или козью ножку, зажигать спички. Около него всегда стояла толпа зевак. Удивительно ловко он также рисовал ногами. Цветными карандашами набрасывал портреты желающих, и эти рисунки приносили ему дополнительный заработок... А в четвертом павильоне три дня и неделю лежал на грани жизни и смерти "чудо-мальчик" Вольф Мсссинг.

В паноптикуме я проработал более полугода. Значит, около трех месяцев жизни пролежал в прозрачном холодном гробу.

Платили мне целых пять марок в сутки! Для меня, привыкшего к постоянной голодовке, они казались баснословно большой суммой. Во всяком случае, вполне достаточной не только для того, чтобы прожить самому, но даже и кое-чем помочь родителям. Тогда-то я и послал им первую весть о себе.

Я уже рассказывал о том первом опыте внушения, который был проведен со мной профессорами Абелем и Щмиттом. После такие опыты они проводили со мной неоднократно. И результаты раз от раза становились все лучше и лучше. Я начинал понимать отдаваемое мне мысленно распоряжение значительно быстрее и точнее. Научился выделять из хора "звучащих" в моем сознании мыслей окружающих именно тот "голос", который мне нужно было услышать. Абель не уставал твердить:

- Тренируйте, развивайте ваши способности! Не давайте им заглохнуть!

Я начал тренироваться. В свободные дни недели ходил на берлинские базары. Вдоль прилавков с овощами, картофелем и мясом стояли краснощекие молодые крестьянки и толстые пожилые женщины из окрестных сел. Покупатели были редки, и в ожидании их торговки сидели, задумавшись о своем. Я шел вдоль прилавков и поочередно, словно верньером приемника включая

все новые станции, "прослушивал" простые неспешные мысли немецких крестьянок о хозяйстве, о судьбе дочери, вышедшей неудачно замуж, о ценах на продукты, которые упрямо не растут. Но мне надо было не только "слышать" эти мысли, но и проверять, насколько правильно мое восприятие. И в сомнительных случаях я подходил к прилавку и говорил, проникновенно глядя в глаза:

- Не волнуйся... Дочка не забудет подоить коров и дать корм поросятам. Она хоть маленькая еще у тебя, но крепкая и смышленая...

Ошеломленный всплеск руками, восклицания удивления убеждали меня, что я не ошибся.

Такими тренировками я занимался более двух лет. Абель научил меня и еще одному искусству - способности выключать силой воли то или иное болевое ощущение. Когда я почувствовал, что время настало и я научился собой вполне пллдеть, то начал выступать в варьете Зимнего Сада Инntергартене.

В начале вечера выступал в роли факира. Заставлял себя не чувствовать боль, когда мне кололи иглами грудь, насквозь прокалывали иглой шею. Много лет спустя я весело смеялся, читая в умной и грустно-веселой книге Всеволода Иванова "Приключения факира" о подобных неудачных выступлениях героев книги. В заключение на сцену выходил артист, одетый мод миллионера. Блестящий фрак. Цилиндр. Унизанные перстнями руки. Золотая цепь к золотым часам, висящая на животе. бриллиантовые запонки. Затем появлялись разбойники. Они убивали "миллионера", а драгоценности его (естественно, фальшивые) раздавали посетителям, сидящим за столиками, с просьбой спрятать в любом месте, но только не выносить из зала. Тут в зале появлялся молодой сыщик - Вольф Мессинг. Он шел от столика к столику - и у каждого столика просил прелестных дам и уважаемых господ вернуть ему ту или иную драгоценность, спрятанную там-то или там-то. Чаще всего - в 1аднсм кармане брюк, внутреннем кармане фрака, в сумочке или |уфельке женщины. Номер этот неизменно пользовался успехом. Многие стали специально приходить в Винтергартен. чтобы тк мотреть сто.

Когда мне исполнилось лет пятнадцать, импресарио снопа перепродал меня в знаменитый в то время цирк Буша. Шел роковой для человечества 1914 год. Началась первая мировая война, унесшая столько миллионов жизней. Теперь я понимаю, что мой импресарио специально отгораживал меня от жизни, t'1'ремясь сосредоточить мое внимание на стремлении к успеху, к

заработку. Но это ему не всегда удавалось, Я понимал уже ю1да, как мало знаю. В Берлине в те годы я посещал частных учителей и занимался с ними общеобразовательными предметами. Особенно интересовала меня психология. Поэтому позже я длительное время работал в Вильненском университете на кафедре психологии, стремясь разобраться в сути своих собственных способностей.

Помню моих учителей и коллег - профессоров Владычко, Кульбышевского, Орловского, Регенсбурга и других. Хотя систематического образования мне получить так и не удалось, я пополняю знания всю жизнь. Внимательно слежу за развитием современной науки, в курсе современной политической жизни, интересуюсь русской и польской литературой.

Но я отвлекся... Вернемся в цирк Буша, в 1914 год...

Мало что изменилось в моей программе. Те же иглы, то же прокалывание шеи. И первые психологические опыты. В цирке Буша мы уже не "убивали аристократа" и не раздавали его драгоценности посетителям, а, наоборот, собирали у зрителей разные вещи. Потом эти вещи сваливали в одну груду, а я должен был разобрать их и раздать владельцам.

Понемногу я становился все более известным, а мой импресарио все более представительным, лицо у него все более округлялось, а стройность фигуры была под сильной угрозой.

Наконец, в 1915 году он повез меня в первое турне - в Вену. Теперь уже не с цирковыми номерами, а с программой психологических опытов. С цирком было покончено навсегда. Выступать пришлось в Луна-парке. Гастроли длились три месяца. Выступления привлекли всеобщее внимание. Я стал "гвоздем сезона". Именно в это время мне выпало счастье встретиться с великим Альбертом Эйнштейном.

Шел 1915 год. Эйнштейн был в апогее творческого взлета. Я не знал, конечно, тогда ни о его теории броуновского движения, ни о смелых идеях квантования электромагнитного поля, позволивших ему объяснить целый ряд непонятных явлений в физике, идеи которой тогда, кстати, разделяли лишь очень немногие ученые. Не знал я и того, что он уже завершил по существу общую теорию относительности, устанавливающую удивительные для меня и сегодня связи между веществом, временем, пространством. Но, хотя я всего этого тогда не знал и знать не мог, имя Эйнштейна - знаменитого физика - я уже слышал.

Вероятно, Эйнштейн посетил одно из моих выступлений и заинтересовался. Потому что в один прекрасный день он пригласил меня к себе. Естественно, что я был очень взволнован

предстоящей встречей.

На квартире Эйнштейна в первую очередь поражало обилие книг. Они были всюду, начиная с передней. Меня провели в кабинет. Здесь находились двое - сам Эйнштейн и Зигмунд Фрейд, знаменитый австрийский врач и психолог, создатель теории психоанализа. Не знаю, кто тогда был более знаменитым, - наверное, Фрейд, да это и не принципиально. Фрейд - шестидесятилетний, строгий смотрел на собеседника исподлобья тяжелым неподвижным взглядом. Он был, как всегда, в черном сюртуке. Сухой, жестко накрахмаленный воротник словно подпирал жилистую, уже в морщинах, шею. Эйнштейна я запомнил меньше. Помню только, что одет он был просто, по-домашнему, в вязаном джемпере, без галстука и пиджака. Фрейд предложил приступить сразу к опытам. Он и стал моим индуктором.

До сих пор помню его мысленное приказание: подойти к туалетному столику, взять пинцет и, вернувшись к Эйнштейну, выщипнуть из его великолепных пышных усов три волоска. Взяв пинцет, я подошел к великому ученому и, извинившись, сообщил ему, что хочет от меня его друг. Эйнштейн улыбнулся и подставил мне щеку.

Второе задание было проще: подать Эйнштейну его скрипку и попросить его сыграть. Я выполнил и это безмолвное приказание Фрейда. Эйнштейн засмеялся, взял смычок и заиграл. Вечер прошел непринужденно весело, хотя я был и не совсем равным собеседником - ведь мне было в ту пору 16 лет.

На прощание Эйнштейн сказал:

- Будет плохо - приходите ко мне.

С Фрейдом я потом встречался неоднократно. В его квартире так же безраздельно царствовали книги, как и в квартире Эйнштейна. Одна небольшая комната была превращена в лабораторию. Не знаю, были ли действительно нужны Фрейду для работы все те предметы, которые там стояли и лежали на полках, - скелет на железном штативе, оскалившие зубы черепа, части человеческого тела, заспиртованные в больших стеклянных банках, и т.д. - или они целиком предназначались для воздействия на психику больных, которых врач принимал дома, но впечатление эта комната производила сильное. Особенно в сочетании с аскетически сухой, суровой, одетой в черное фигурой ее хозяина, напоминавшего злого демона. Мне почему-то даже в домашней обстановке он представляется обязательно со складной палкой-зонтиком в руках. Впрочем, посетителей у Фрейда было немного. Чаще всего пожилые люди, строго чопорные и накрахмаленные и всегда, по моде того времени, с бакенбардами.

В общем же, как мне сейчас помнится, Фрейда не любили. Он был желчен, беспощадно критичен, мог незаслуженно унизить человека. Но на меня он оказал благоприятное влияние: научил самовнушению и сосредоточению. Шестнадцатилетний мальчик, мог ли я не попасть под власть этого очень интересного, глубокого, я бы сказал, могучего человека7! И власть свою Фрейд употребил на благо мне. Более двух лет продолжалось наше близкое знакомство, которое я и сегодня вспоминаю с чувством благодарности.

Дела мои, между тем, шли хорошо. И в 1917 году господин Цельмейстср сообщил мне, что мы выезжаем в большое турне. Маршрут охватывал чуть не весь земной шар. За четыре года мы побывали в Японии, Бразилии, Аргентине ... Было очень много, пожалуй, даже слишком много впечатлений. Они находили одно на другое, нередко заслоняя и искажая друг друга. Так искажается форма вещей, если их слишком много набить *в* чемодан.

В 1921 году я вернулся в Варшаву. За те годы, что я провел за океаном, многое изменилось в Европе. В России вспыхнула Октябрьская революция. Свет этого взрыва по-новому осветил мир, новые пути развития человечества. На перекроенной карте Европы обозначилось новое государство -Польша. Местечко, где я родился и где жили мои родители, оказалось на территории этой страны.

Мне исполнилось 23 года, и меня призвали в польскую армию. Прошло несколько месяцев. Однажды меня вызвал к себе командир и передал приглашение самого "начальника Польского тсударетва" Юзефа Пилсудского.

В роскошной гостиной собралось высшее "придворное" общество, блестящие военные, великолепно одетые дамы. Иилсудский был в подчеркнуто простом полувоенном платье, без орденов и знаков отличия.

Начался опыт. За портьерой был спрятан портсигар. Группа "придворных" следила за тем, как я его нашел. Право *с, это было проще простого! Меня наградили аплодисментами. Более близкое знакомство с Пилсудским состоялось позднее в иичном кабинете. "Начальник государства" (кстати, это был cm официальный титул в те годы) был суеверен, как женщина. Он занимался спиритизмом, любил "счастливое" число і рннадцать. Ко мне он обратился с просьбой личного члрлктсра, о которой мне не хочется, да и неудобно, сейчас in поминать. Могу только сказать, что я ее выполнил.

По окончании военной службы я вновь вернулся к опытам. Моему новому импресарио господину Кобаку было лет пятьдесят.

Это был очень деловой человек нового склада. Имеете с ним я совершил множество турне по различным странам I нропы. Я выступал со своими опытами в Париже, Лондоне, Симе, снова в Берлине, Стокгольме. По возможности стремился I>.i шообразить и расширять программу выступлений. Так, помню, и Риге ездил по улицам на автомобиле, сидя на сидении ипдителя. Глаза у меня были завязаны накрепко черным полотенцем, руки лежали на руле, ноги стояли на педалях. Пиктовал мне мысленно, по существу управляя автомобилем с помощью моих рук и ног, настоящий водитель, сидевший рядом. Этот опыт, поставленный на глазах у тысяч зрителей с чисто рекламной целью, был, однако, очень интересен. Второго управления автомобиль не имел. Ни до этого, ни после этого за баранку автомобиля я даже не держался.

Посетил я в эти годы также и другие континенты - Южную Америку, Австралию, страны Азии. Из бесчисленного калейдоскопа встреч не могу хотя бы в нескольких строчках не остановиться на происшедшей в 1927 году встрече с выдающимся политическим деятелем Индии Мохандасом Ганди, в учении которого, как известно, причудливо переплелись отдельные положения древней индийской философии, толстовства и разнообразнейших социалистических учений.

Ганди меня глубоко потряс. Удивительная простота, всегда соседствующая с подлинной гениальностью, исходила от этого человека. Запомнилось его лицо мыслителя, тихий голос, неторопливость и плавность движений, мягкость обращения со всеми окружающими. Одевался Ганди аскетически просто и употреблял самую простую пищу.

Во время опыта, который я демонстрировал в его присутствии, Ганди был моим индуктором. Он продиктовал мне следующее задание: взять со стола и подать третьему человеку флейту. Этот третий взял ее, поднес к губам, и тонкие музыкальные звуки задрожали в воздухе. И вдруг из стоящей у его ног корзины, похожей на бутыль, начала выливаться серо-пестрая лента змеи. Ее движения четко повторяли ритм, заданный флейтистом. Это был настоящий танец, не менее точный и прекрасный, чем человеческий. До этого я никогда не видел ничего подобного и смотрел, как завороженный.

Находясь в Индии, я не мог, конечно, упустить возможности собственными глазами посмотреть на искусство йогов. Виртуозное умение управлять своим телом, достигаемое непрестанной тренировкой, поистине удивительно. Мне особенно интересно было наблюдать погружение в глубокое каталептическое состояние, длящееся иногда по нескольку

недель. Мне никогда не удавалось добиться столь длительного пребывания в этом состоянии.

Ко мне нередко обращались и с личными просьбами самого разного характера: урегулировать семейные отношения, обнаружить похитителей ценностей и т.д. Как и всю свою жизнь, я руководствовался тогда только одним принципом: вне зависимости от того, богатый это человек или бедный, занимает ли он в обществе высокое положение или низкое, - стоять только на стороне правды, делать людям только добро. Было бы неправильно, если бы я не рассказал о некоторых из таких случаев.

Один из них связан с происшествием в старинном родовом имении графов Черторийских. Это была очень богатая и известная в Польше семья, владевшая гигантскими поместьями, располагающая огромными средствами. Сам граф был весьма влиятельным человеком в сейме.

И вот, в этой семье пропадает старинная, передававшаяся из поколения в поколение драгоценность - бриллиантовая брошь. По мнению ювелиров, она стоила не менее 800 тысяч зотых - сумма поистине огромная. Все попытки отыскать ее оказались безрезультатными. Никаких подозрений против кого бы - то ни было у графа Черторийского не имелось: чужой человек пройти в хорошо охраняемый замок практически не мог, в своей многочисленной прислуге граф был уверен. Это были люди, преданные семье графа, работавшие у него десятками лет и очень ценившие свое место. Приглашенные частные детективы не смогли распутать дело.

Граф Черторийский прилетел ко мне на своем самолете, я тогда выступал в Кракове - рассказал все это и предложил заняться поисками. На другой день на самолете графа мы вылетели в Варшаву и через несколько часов оказались в его имении. Надо сказать, в те годы у меня был классический вид художника: длинные до плеч иссиня-черные, вьющиеся волосы, бледное лицо. Носил я черный костюм с широкой черной накидкой и шляпу. И графу нетрудно было выдать меня за художника, приглашенного в замок поработать.

С утра я приступил к выбору "натуры". Передо мной прошли по одному все служащие графа до последнего человека, И я убедился, что хозяин замка прав: вес эти люди абсолютно честны. Познакомился и с домочадцами - среди них тоже не было похитителя. И лишь об одном человеке я не мог сказать ничего определенного. Я не чувствовал не только его мыслей, но даже и его настроения. Впечатление было такое, словно он закрыт от меня непрозрачным экраном.

Это был слабоумный мальчик лет одиннадцати, сын одного из слуг, давно работающего в замке. Он пользовался в огромном доме, хозяева которого в общем-то жили здесь далеко не всегда, полной свободой, мог заходить во все комнаты. Ни в чем плохом он замечен не был, и поэтому и внимания на него не обращали. Даже если это и он совершил похищение, то без всякого умысла, совершенно неосмысленно, бездумно. Это было единственное, что я мог предположить. Надо было проверить свое предположение.

Я остался с ним вдвоем в детской комнате, полной разнообразнейших игрушек. Сделал вид, что рисую что-то в своем блокноте. Затем вынул из кармана золотые часы и покачал их в воздухе на цепочке, чтобы заинтересовать беднягу. Отцепив часы, положил их на стол, вышел из комнаты и стал наблюдать.

Как я и ожидал, мальчик подошел к моим часам, покачал их на цепочке, как я, и сунул в рот. Он забавлялся ими не менее получаса. Потом подошел к чучелу гигантского медведя, стоявшему в углу, и с удивительной ловкостью залез к нему на голову. Еще миг - и мои часы, последний раз сверкнув золотом в его руках, исчезли в широко открытой пасти зверя. Да, я не ошибся. Вот этот невольный похититель. А вот и его безмолвный сообщник - хранитель краденого - чучело медведя.

Горло и шею чучела медведя пришлось разрезать. Оттуда в руки изумленных "хирургов", свершивших эту операцию, высыпалась целая куча блестящих предметов - позолоченных чайных ложечек, елочных украшений, кусочков цветного стекла от разных бутылок. Была там и фамильная драгоценность графа Черторийского.

По договору граф должен был заплатить мне около 25 процентов стоимости найденных сокровищ - всего около 250 тысяч злотых, ибо общая стоимость всех найденных в злополучном "Мишке" вещей превосходила миллион злотых. Я отказался от этой суммы, но обратился к графу с просьбой взамен проявить свое влияние в сейме так, чтобы было отменено незадолго до этого принятое польским правительством постановление, ущемляющее права евреев. Через две недели это постановление было отменено.

Подобных дел с похищениями мне пришлось расследовать немало. Но не подумайте, что я превращался в некоего частного Шерлока Холмса. Меня привлекали только такие истории, где я мог способствовать, хоть в малой мере, торжеству правды и справедливости. Чаще всего мне приходилось иметь дело с "внутрисемейными" событиями, где даже самые тесные узы кровного родства не могли помешать взаимной ненависти, смертельной зависти, чаще всего на почве чьих - то

меркантильных интересов.

Помню такой случай. Он произошел в Варшаве. Хотя с тех нор прошло уже много лет, я не уверен, что все участники тех события погибли или умерли своей смертью, и, чтобы не причинить им неприятностей, я не назову их имен. Суть же состояла вот в чем.

У одного лавочника были похищены все его сбережения, что - то около 5000 долларов. Пропали и кое-какие вещи. Делом занялась полиция, но ничего обнаружить не сумела. Воры были мастерами своего дела и никаких следов не оставили.

Семью лавочника составляли еще два человека - его брат и взрослая дочь. По совету брата лавочник обратился к скупщикам краденого. Как ни странно, ни одна из похищенных вещей к ним не поступила. Это было настолько непонятно, что они и высказали первыми мысль, что либо похищение совершил вор - "гастролер", на короткое время посетивший Варшаву, либо это дело рук кого-нибудь из домашних.

Тогда-то лавочник обратился ко мне. Мне стало искренне жаль старого и больного человека, всю жизнь откладывавшего по копейке на черный день и приданое дочери. Я осмотрел тесную квартиру, в которой он с семьей прожил всю жизнь, почти нищенскую обстановку. Потом мы прошли в комнату его брата. Тот в полном молитвенном облачении стоял лицом к востоку и громко произносил слова молитвы. На лице его была разлита набожность. Я пробыл в этой комнате всего несколько минут, но по тревожному состоянию духа, по неуверенности, с которой он произносил слова молитвы, уже понял, что виновник кражи передо мной. А потом я "услышал" и его мысли.

Когда он кончил молиться, я выслал всех из комнаты и остался с ним наедине. Я сразу же спросил его, куда он дел похищенные деньги и вещи. И хотя он еще не сознался, мне стало ясно, что они спрятаны в кушетке, на которой мы сидим. Я сказал ему об этом и потребовал, чтобы он завтра же вернул их брату. Я дал ему слово, что все это останется между нами.

Выйдя, я сказал лавочнику и его дочери:

-Не волнуйтесь. Я не знаю и не смогу узнать, кто похитил ваши деньги и вещи. Но я знаю, что все, до последней нитки, до последней копейки завтра же вернется в ваш дом.

Мне было жаль обоих братьев: ведь сообщи я имя виновника кражи, я нанес бы смертельный удар этой семье.

Однажды в Белостоке у жены одного польского журналиста пропало бриллиантовое кольцо. Он пригласил к себе меня. Мне не составило труда выяснить, что кольцо похитила прислуга. Я был также убежден, что это кольцо было передано другому

человеку и найти его я не смогу. Тогда я прибег к хитрости. Громко, чтобы прислуга слышала, я сказал журналисту:

- Друг мой! Стоит ли беспокоиться из-за фальшивого стеклышка? Твое кольцо стоило тебе максимум пять злотых, а продать ты его и за полтора злотых не смог бы. Ну, выгони прислугу, ну, позови полицию. Только из-за чего весь этот шум? Подумай! К тому же, по всей вероятности, оно валяется где-нибудь на полу. Кому эта дрянь нужна?!

Через несколько часов кольцо (а в нем бриллиант в три карата) было найдено в углу, в гостиной.

В другом случае в семье, куда меня пригласили, похитителем пропавшей драгоценности оказался сам хозяин, подаривший эту вещь своей любовнице.

Психологически интересный случай произошел со мной в Париже. Это было нашумевшее в двадцатых годах дело банкира Денадье. В уже достаточно преклонных годах после смерти жены он женился вторично на совсем молодой женщине, прельстившейся его богатством. Была у него дочь, также недовольная своей жизнью: тех средств, которые ей отпускал отец, ей явно не хватало. Эти трое, таких разных, хотя и находящихся в близком родстве, людей и являлись единственными обитателями виллы Денадье. Прислуга была приходящей, и на ночь никто из посторонних в доме не оставался.

А между тем там начали твориться довольно-таки странные пещи. Началось с того, что однажды вечером, оставшись в одиночестве, Денадье вдруг увидел, что висящий у него в комнате портрет его первой жены качнулся сначала в одну, потом в другую сторону. В испуге широко вытаращенными глазами уставился он на портрет. Ему показалось, что его покойная жена чуть двинула головой, руками, какое-то днижение пробежало по ее лицу. Возникло впечатление, что она хочет выпрыгнуть из рамки, но не может этого сделать, и поэтому портрет раскачивается.

Легко представить, какое впечатление произвело это на суеверного пожилого человека. Он не смог подняться с кресла и, закрыв глаза, начал кричать. Только через полчаса, а то и позже - Денадье не смотрел на часы - на его крик прибежали вернувшиеся к этому времени из театра жена и дочь.

С тех пор портрет начал подмигивать и качаться каждую ночь. Это сопровождалось нередко стуком в стену в том месте, где висел портрет. По характеру звуков казалось, что они рождаются внутри стены, а не из комнаты дочери, соседней с комнатой Денадье. И еще одна деталь: обычно вся эта чертовщина

происходила именно тогда, когда ни жены, ни дочери не было дома. В их присутствии портрет вел себя нормально.

Денадье обратился в полицию. Ночью тайно от всех у него в комнате остался детектив. В урочное время портрет начал качаться и раздался стук. Несмутившийся детектив двинулся к портрету, но в самый неподходящий момент он обо что-то споткнулся, упал и вывихнул ногу. Тогда убежденность, что в этом деле замешана нечистая сила, стала всеобщей. Полиция отступилась. Денадье был предоставлен своей судьбе и "нечистой силе".

Я заинтересовался этим случаем, узнав о нем из газет. Префект парижской полиции порекомендовал меня Денадье. Тайно ото всех я остался в его комнате в первый же вечер: несчастный человек был близок к сумасшествию, но не соглашался снять портрет своей первой жены. Несмотря на свою повторную женитьбу, он свято хранил память о ней. Откладывать дело было нельзя, уже завтра могло быть поздно. Бедный Денадье мог сойти с ума или умереть от страха каждую минуту. Он сообщил мне, что в доме никого нет, жена и дочь уехали в театр. Все способствовало тому, чтобы таинственное явление произошло.

Мы выключили свет. Я сразу же почувствовал, что вилла отнюдь не пуста. Очень скоро я понял, что в соседней комнате - комнате дочери - кто-то есть. И почти тотчас же раздался стук в стену. Одновременно я увидел в слабом свете лунных лучей, падавших в окно, что портрет качается. Честно сказать; это было довольно зловещее зрелище. Обмякший Денадье бессильно лежал в кресле...

Очень осторожно, пробираясь на цыпочках вдоль стенки. чтобы не оказаться в положении вывихнувшего ногу детектива, я пробрался к двери и вышел в коридор. Затем я подошел к соседней двери в комнату дочери и постучал в нее. Стук в стенку комнаты Деналье сразу прекратился. Очень настойчиво я постучал снова и, сильно нажав плечом, открыл дверь. Сорванная задвижка, звякнув, упала на пол. В комнате на кровати лежала молодая женщина. Она делала вид, что только что проснулась.

- Вы же в театре, мадемуазель, - сказал я. - Как Вы очутились здесь?

Я следил за лихорадочной путаницей ее мыслей, читая их. Через несколько мгновений мне стал ясен весь тайный механизм преступления. Дочь и мачеха, оказывается, давно уже нашли общий язык. Обеих не устраивал тот скромный образ жизни, который вел сам Денадье и который вынуждены были вести с ним и они. Обе молодые женщины мечтали овладеть миллионами

банкира и избрали показавшийся им наиболее легким и безопасным способ: довести старого больного человека до сумасшествия. Для этого был сконструирован тайный механизм, приводивший в движение висевший в комнате Денадье портрет. Я испытал истинное наслаждение, когда префект в эту же ночь по моему телефонному вызову прислал полицейских и обе преступницы были арестованы.

Были в моей "сыщицкой" деятельности и совсем курьезные случаи. Вот несколько эпизодов, случившихся со мной в разные годы в Польше во время выступлений с психологическими опытами.

Первый случай прост и ординарен. Выполняя очередное задание индуктора, подхожу к молодому человеку, сидящему в одном из первых рядов, и говорю ему:

- Разрешите внутренний карман Вашего пиджака.

Вижу, что-то очень уж он испуган. Прислушиваюсь. И понимаю: передо мной преступник. Кармана не показывает. Тогда я подзываю присутствующего здесь же полицейского. Ему помогают несколько мужчин. Оказывается, у молодого человека но внутреннем кармане спрятана бутылка запрещенного наркотика. Его арестовали, а затем вскрыли целую организацию подпольных торговцев наркотиками.

Конечно, это разоблачение произошло, в значительной мере, случайно. Скомандуй мне индуктор пойти к другому человеку, - я бы никакого внимания не обратил на этого пришедшего на мой сеанс негодяя.

Другой случай носит иной характер.

В маленькое польское местечко приехал "богатый американец". Разумеется, он был принят в "лучших" домах, вскоре влюбился в прелестную шестнадцатилетнюю девушку и сделал ей предложение, присовокупив к нему бриллиантовое кольцо для невесты. Надо ли добавлять, что подкрепленное столь весомым подарком предложение было немедленно принято. Да и как могло быть иначе! Ведь "богатый американец" в панской Польше был таким же сказочным персонажем, как прекрасный принц. Но как раз в это время в те края занесла меня с моими опытами беспокойная судьба гастролера.

Родители девушки пришли ко мне и все рассказали. Что-то не понравилось мне в этом человеке, виденном вскользь и издали. Я попросил, чтобы его привели на мое выступление. Он пришел. Держал себя вызывающе. Бросал реплики, сидел развалясь. А когда я обратился непосредственно к нему с каким-то вопросом, он встал и двинулся к выходу из зала... Но мне уже многое было ясно. Я крикнул:

- Посмотрите у него в карманах!

"Американца", несмотря на его сопротивление, остановили. Из одного кармана извлекли несколько паспортов на разные фамилии, но с одной и той же фотографией. Все это были паспорта холостых людей. Из другого - пачку порнографических фотографий. Этого было достаточно. "Американца" арестовали. Он оказался членом шайки, поставляющей красивых девушек публичным домам Аргентины.

Хочу к этому добавить одно: пусть не подумает читатель. что "натпинкертонство" стало чуть ли не моей второй профессией. Просто я собрал здесь случаи, происшедшие со мной в течение многих лет. И еще: никогда в жизни я не сотрудничал ни с полицией, ни с какими бы то ни было частными или государственными организациями сыска, хотя предложения такого рода мне делались неоднократно. Все, что и делал, я делал на свой риск и страх; на свою личную ответственность, используя главным образом свои способности и стремясь только к торжеству справедливости.

В последующих главах я подробно буду говорить об истинных медиумах и телепатах, а также о шарлатанах, пытающихся выдать себя за таковых. Увы! И в телепатии в то мремя в Польше не обошлось без самой злобной конкуренции. Сколько раз пытались мои "коллеги" скомпрометировать меня во время выступления! А однажды ко мне в номер вошла молодая и красивая женщина. Мой кабинет был почти изолирован от остальных комнат, где, я знал, сейчас должен находиться мой флегматичный Кобак. Взглянув на вошедшую женщину, я сразу ее понял. Услужливо, предупредительно вскочил:

- Пани, садитесь! Такие очаровательные гостьи редко навещают конуру телепата. И когда они появляются, я бываю вдвойне счастлив. Только, простите, я на мгновенье выйду, отдам кое-какие распоряжения.

Вышел, нашел в длинной анфиладе комнат мирно курящего сигару Кобака:

- Бегом в полицию! Бери человек трех - и назад. В кабинет не входите, встаньте у двери и смотрите сквозь верхнее стекло. Только быстрее! Потом я все объясню.

Возвращаюсь в кабинет. Снова рассыпаюсь в комплиментах. Чую, что мне надо продержаться хотя бы минут пять - восемь, пока не подоспеет подмога. Наконец, чувствую, моя гостья переходит к делу:

- Вы делаете удивительные вещи. А знаете ли Вы, что я сейчас думаю?

- Пани, я не на сцене. В жизни я обыкновенный человек. И

могу сказать только одно: в такой очаровательной головке могут быть только очаровательные мысли.

- Я хочу стать Вашей любовницей. И немедленно. Сейчас же.

- Пани! Но я женат! У меня дети ... я люблю свою жену.

- Но Вы же - джентльмен? Вы не можете отказать женщине в ее просьбе!..

И начинает рвать на себе одежды. Потом кидается к окну, распахивает его и кричит:

- На помощь! Насилуют!

Тогда я махнул рукой - открылась дверь и вошла полиция. Они все видели через стекло фрамуги. И все слышали - ни я, ни она не старались заглушить своих голосов. "Пани" арестовали.

Это только одна из многих попыток моих "конкурентов" скомпрометировать, убрать меня. В данном случае организатором, главным виновником был известный в Польше хиромант Пифело. Во мне он видел своего конкурента, хотя я ни гаданием по руке, ни каким бы то ни было другим обманом никогда не занимался. К счастью, ни одна из попыток скомпрометировать меня не имела успеха.

Но пора прощаться с детством, отрочеством, юностью, молодостью. И хотя мне еще не раз придется возвращаться к событиям того времени в последующих главах, пришла пора рассказать о том, как я стал советским гражданином.

Когда 1 сентября 1939 года бронированная немецкая армия перекатилась через границы Польши, государство это, несравненно более слабое в индустриальном и военном отношении, было обречено. Я знал: мне оставаться на оккупированной немцами территории нельзя. Голову мою оценили в 200000 марок. Это явилось следствием того, что еще в 1937 году, выступая в одном из театров Варшавы в присутствии тысяч людей, я предсказал гибель Гитлера, если он повернет на Восток. Об этом предсказании моем Гитлер знал, его в тот же день подхватили все польские газеты - аншлагами на первой полосе. Фашистский "фюрер" был чувствителен к такого рода предсказаниям и, вообще, к мистике всякого рода. Не зря при нем состоял собственный "ясновидящий" - тот самый Гануссен, о котором я уже вскользь упоминал. Эта премия в 200000 марок предназначалась тому, кто укажет мое местонахождение.

Несколько слов о Ганусене, раз уж о нем зашла речь. Это - один из немногих известных мне телепатов, в действительности обладавший способностью к чтению мыслей. Я с ним познакомился в 1931 году, перед его выступлением корреспондент одной варшавской газеты представил меня Ганусену за кулисами.

Работал Ганусен интересно, у него были несомненные способности телепата. Но чтобы они развернулись в полную меру, ему нужен был душевный подъем, взвинченность сил, нужно было восхищение и восторг публики. Я это знал и по себе: когда аудитория завоевана, работать становится несравненно легче. Поэтому в начале выступления Ганусен прибегал к нечестному приему - первые два номера он проводил с подставными людьми.

Едва он вышел на сцену, встреченный жиденькими аплодисментами, и произнес несколько вступительных слов, из глубины зала раздался выкрик: "Шарлатан!" Ганусен "сыграл" чисто по-артистически оскорбленную невинность и пригласил на сцену своего обидчика. С ним он показывал первый номер. Надо ли говорить, что "оскорбитель" мгновенно "перевоспитался", уверовав в телепатию, и что в действительности этот человек ездил из города в город в свите Ганусена. Я это понял сразу. Но аудитория приняла все за чистую монету и аплодисменты стали более дружными.

Начиная с третьего номера, Ганусен работал честно, с любым человеком из зала. Очень артистично, стремясь как можно эффектнее подать свою работу. Однако использование подставных лиц не могло уже потом до конца вечера изгладить во мне какого-то невольного чувства недоверия. Мне кажется, что человек, наделенный от рождения такими способностями, как Ганусен, не имеет права быть непорядочным, морально нечестным. Это мое глубокое убеждение.

В 1933-1934 годах Ганусена приблизил к себе Гитлер, хотя тот был чистокровный еврей, дед его работал старостой синагоги. Вращаясь в приближенных к Гитлеру кругах, шагая от успеха к успеху, Ганусен узнал слишком много того, что знать ему не следовало. Определенные лица использовали его, чтобы под видом "астральных откровений" дать фюреру тот или иной совет И когда он оказался уже слишком рискованной фигурой в большой политической игре, - его просто убрали. Завезли в лес и застрелили. В общем, его судьба довольно точно и подробно рассказана в романе Лиона Фейхтвангера "Братья Лаутензак". Так или иначе, желая ли отомстить мне за мое предсказание или, наоборот, намереваясь заменить мною Ганусена Гитлер объявил премию человеку, который укажет мое местонахождение. Я в это время жил в родном местечке у отца. Вскоре это местечко было оккупировано фашистской армией. Мгновенно было организовано гетто. Мне удалось бежать.

Некоторое время я скрывался в подвале у одного торговца мясом Однажды вечером, когда я вышел на улицу пройтись, меня схватили. Офицер, остановивший меня, долго вглядывался в моё

лицо, потом вынул из кармана обрывок бумаги с моим портретом. Я узнал афишу, расклеивавшуюся гитлеровцами по городу, где сообщалось о награде за мое обнаружение.

Ты кто? - спросил офицер и больно дернул меня задлинные, до плеч волосы.

- Ты врешь. Ты - Вольф Мессинг! Это ты предсказывал смерть фюреру.

Он отступил на шаг назад, продолжая держать меня левой рукой за волосы. Затем резко взмахнул правой - и нанес мне страшной силы удар по челюсти. Это был удар большого мастера заплечных дел. Я выплюнул вместе с кровью шесть зубов. Потом сидя в карцере полицейского участка, я понял или я уйду сейчас, или гибель. Я напряг все свои силы и заставив собраться у себя в камере тех полицейских, которые в то время были в помещении участка. Всех, включая наружних. Когда они все, повинуясь моей воле, собрались в камере, где я лежал совершенно неподвижно, как мертвый. Я быстро встал и вышел в коридор. Мгновенно, пока они не опомнились, задвинул засов окованной железом двери. Клетка была надежной, птички не могли вылететь из нее без посторонней помощи. Но ведь она могла подоспеть. В участок мог зайти просто случайный человек. Мне надо было спешить.

Из Варшавы меня вывезли в телеге, заваленной сеном. Я знал одно: надо идти на восток. Только на восток. Проводники вели и везли меня только по ночам. И вот, наконец, темной ноябрьской ночью впереди тускло блеснули холодные волны Западного Буга. Там, на том берегу, была Советская страна.

Небольшая лодчонка - плоскодонка ткнулась в песок смутно белевшей отмели. Я выскочил из лодки и протянул рыбаку, который перевез меня, последнюю оставшуюся у меня пачку денег Речи Посполитой:

- Возьми, отец! Спас ты меня ...

Я пожал протянутую руку и пошел по влажному песку. Пошел по земле моей новой Родины. Пошел прямо на Восток.

Глава II.
НА ЗЕМЛЕ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

Было странно и необычайно жить в этом никогда мной не виданном мире. Особенно, если учесть, что попал я в него совершенно неподготовленным, не встреченный, как встречают почетного гостя, без сопровождения всезнающего импресарио, даже без знания языка. Я вступил на советскую землю вместе с тысячами других беженцев, ищущих спасения от фашистского нашествия. Пришел я в гостиницу "Брест":

- Мне нужен номер.

- Свободных номеров нет.

- Я заплачу втрое против обычной цены.

- Вам сказано, гражданин, свободных номеров нет! Окно с треском захлопывается.

Первую ночь среди других беженцев я провел в синагоге на полу. С трудом отыскал свободное место.

Куда податься? На другой день меня надоумили: я пошел в отдел искусств горкома. Меня встретили вежливо, но сдержанно. В Советском Союзе, борясь против суеверий, не жаловали ни гадалок, ни волшебников, ни хиромантов. К числу таких же непоощряемых занятий относили и телепатию. Ох, как часто мне потом мешало это!

Пришлось переубеждать. Пришлось демонстрировать свои способности тысячу раз. Пришлось доказывать, что в этом нет никакого фокуса, обмана, мошенничества. Но об этом позже.

И вот, наконец, нашелся человек, который поверил. Это был заведующий отделом искусства Абрасимов Петр Андреевич. На свой страх и риск он включил меня в бригаду артистов. обслуживающих Брестский район. Жизнь начала налаживаться.

В эти первые дни было немало забавных казусов, вызванных тем, что я очень плохо знал русский язык. Заведующий отделом искусства хвалит меня после выступления:

- Здорово работаешь!

- Да, я здоров ... Никогда не болею. В другой раз говорят:

- Вас примет секретарь ЦК.

- Я с секретарем не хочу говорить. Пусть со мной сам этот Цека поговорит.

1 Мая праздновал в Бресте. Вместе со всеми пошел на демонстрацию. Это был очень радостный день в моей жизни. А вскоре после этого меня направили в Минск. Здесь я встретился с

Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко - одним из видных деятелей Советского государства. Я благодарен судьбе за встречу с этим человеком, которому я очень многим обязан.

Мы гастролировали по всей Белоруссии. И однажды, когда я работал на одной из клубных сцен Гомеля, ко мне подошли два человека в форменных фуражках. Прервав опыт, они извинились перед залом и увели меня. Посадили в автомобиль. Я чувствовал, что ничего злого по отношению ко мне они не замышляют. Говорю:

- В гостинице за номер заплатить надо... Смеются:

- Не волнуйтесь, заплатят.

- Чемоданчик мой прихватить бы.

- И чемоданчик никуда не денется.

Действительно, с чемоданом я встретился в первую же ночь, проведенную не в дороге. И счета мне администрация не прислала - видно, кто-то заплатил за меня.

Приехали - куда не знаю. Позже выяснилось, что это гостиница. И оставили одного. Через некоторое время снова повезли куда-то. И опять незнакомая комната. Входит какой-то человек с усами. Здоровается. Я его узнал сразу. Отвечаю:

- Здравствуйте. А я Вас на руках носил.

- Как это на руках? - удивился Сталин.

- Первого мая... На демонстрации. Разговор шел пестрый.

Сталина интересовало положение в Польше, мои встречи с Пилсудским и другими руководителями Речи Посполитой. Индуктором моим он не был. После довольно продолжительного разговора, отпуская меня, Сталин сказал:

- Ох! И хитрец Вы, Мессинг.

- Это не я хитрец, - ответил я. - Вот Вы так действительно хитрец!

М. И. Калинин незаметно потянул меня за рукав.

Со Сталиным я встречался и позже. Вероятно, по его поручению были всесторонне проверены мои способности. Помню такое: мне было дано задание получить 100000 рублей в Госбанке по чистой бумажке. Опыт этот чуть не закончился трагически.

Я подошел к кассиру, сунул ему вырванный из школьной тетради листок. Раскрыл чемодан, поставил у окошечка на барьер. Пожилой кассир посмотрел на бумажку. Раскрыл кассу. Отсчитал сто тысяч. Для меня это было повторением того случая с кондуктором, когда я заставил принять бумажку за билет. Только теперь это не представляло для меня, по существу, никакого труда.

Закрыв чемодан, я отошел к середине зала. Подошли свидетели, которые должны были подписать акт о проведенном

опыте. Когда эта формальность была закончена, с тем же чемоданчиком я вернулся к кассиру. Он взглянул на меня, перевел взгляд на чистый тетрадный листок, насаженный им на гвоздик с погашенными чеками, на чемодан, из которого я начал вынимать тугие нераспечатанные пачки денег. Затем неожиданно откинулся на спинку стула и захрипел. Инфаркт! К счастью, он потом выздоровел.

Другое задание состояло в том, чтобы пройти в кабинет очень высокопоставленного лица, тщательно охраняемый. Пройти, разумеется, без пропуска. Я выполнил без труда и это задание. Уйти из карцера в полицейском участке, о чем я рассказывал выше, было куда труднее.

Рассказы об этих весьма своеобразных "психологических опытах" разошлись широко по Москве. А меня продолжали "прощупывать", "проверять". Меня считали "опасным человеком". Но ведь я не сделал в жизни ни одного непорядочного шага.

"А вдруг сделаешь? Можно ли доверять тебе?" - думал в ответ в лучшем случае мой собеседник. А очень часто и еще хуже: "Врешь ты все... Только выпусти тебя из глаз! С такими способностями, да чтобы их для себя не использовать..."

Наконец, "проверки" кончились. Видимо, не без вмешательства самой сверхвысокой инстанции. Я начал работать. Первые мои гастроли - в Одессе и Харькове. Я уже начал привыкать, радостно привыкать к совершенно новой для меня советской аудитории. В июне 1941 года я поехал в Грузию. Как сейчас помню, это было в воскресенье 22 июня 1941 года. Накануне, в субботу, состоялось мое выступление, оно прошло очень успешно. В воскресенье утром мы поехали на фуникулере. Мне все время было почему-то не по себе. Настроение было чудовищно скверным. И вот в двенадцать часов по московскому времени - речь Молотова. Началась Великая Отечественная война.

Возвращались в Москву поездом. Затемненные станции. Почти на каждой - проверка документов. В бдительности патрулей мне пришлось убедиться на собственном опыте: моя несколько экстравагантная внешность, иностранный акцент привели к тому, что меня несколько раз принимали за шпиона. Выручал первый советский "импресарио", ездивший со мной, писатель Виктор Финк.

По приезде в Москву, как только я остался на улице один, - Финк прямо с вокзала отправился к себе домой - меня все -таки "арестовали". А через несколько дней, когда я спросил, как пройти на такую-то улицу, меня снова "арестовали" - на сей раз очень миленькая девушка-дружинница

В эти тяжкие дни начала войны я пережил тяжелые минуты:

внутренне почувствовал себя лишним. Передо мной встал вопрос: чем я могу помочь моей второй Родине в борьбе с фашистской чумой? Состояние здоровья было таковым, что о личном участии в боях я не мог и думать. Оставалось мое искусство, мое умение. Но кому нужен в такое время Вольф Мессинг с его психологическими опытами?

Оказалось, что это не так. Меня эвакуировали в Новосибирск. Оказывается, кто-то где-то думал о гражданине СССР Вольфе Мессинге, о том, что его своеобразные способности интересны людям. Оказалось, что меня хотят видеть и в госпиталях, и рабочие оборонных заводов, по неделям не покидающие цехов, и бойцы формирующихся частей и подразделений. Нередко залы заполняли люди, пришедшие прямо от станков. И уходили они от меня к станкам. А бойцы иной раз держали в руках винтовки. Я делал все, что мог, чтобы вдохновить их своим искусством, дать им заряд новых сил для труда и борьбы.

Передо мной толстая пачка пожелтевших бумаг. Одни из них написаны от руки, другие отпечатаны на машинке, третьи покрыты цветным рисунком, и только фамилия моя вписана в оставленное в типографском наборе месте. Мне очень дороги эти листки - это отзывы зрителей о моей работе. Они свидетельствуют, что и я внес свою скромную лепту в великое общее дело в грозный час нависшей беды над моей страной.

Свои личные сбережения я отдал на оборону страны, для скорейшего разгрома фашизма. Так поступали в те годы многие люди. На эти средства были построены два самолета, которые я подарил нашим военным летчикам, первый - в 1942, второй в 1944 году. Как резко отличались эти два самолета друг от друга! Даже для меня, неспециалиста, было ясно - за этот короткий срок советские конструкторы и инженеры успели проделать колоссальную работу. Изменились не только внутренние детали боевой машины, изменился весь ее внешний облик. У меня хранится экземпляр многотиражной газеты "Летчик Балтики" от **22** мая 1944года. В нем Герой Советского Союза летчик капитан К.Ковалев рассказывает о встрече со мной, о том, как он получил самолет.

На подаренном мною самолете он сбил 23 вражеских самолета и счастливо летал до конца войны...

В 1944 году в Новосибирске после сеанса "Психологических опытов" ко мне подошла молодая женщина:

- Мне кажется, вступительное слово к Вашему выступлению надо бы читать по-другому...

- Ну, что же, - ответил я, - попробуйте Вы прочитать его.

Следующее мое выступление - через два дня. Вы успеете подготовиться?

- Попробую.

Накануне я встретился с ней снова. Мне понравилась ее манера читать.

- А у Вас есть длинное платье для выступления?

- Нет, я думаю, следует одеть темный строгий костюм. Он больше подходит для сеансов Ваших психологических опытов.

Так впервые встретился я с женщиной, которая стала потом моей женой, - Аидой Михайловной. Она умерла в 1960 году. Годы, прожитые с ней, самые счастливые в моей жизни.

В первые послевоенные голы я познакомился еще с одним человеком, о котором не могу не вспоминать с чувством величайшего уважения и сожаления о том, что его уже нет, - с выдающимся дипломатом-писателем Алексеем Алексеевичем Игнатьевым.

Он прожил большую и сложную жизнь. Сначала по обязанности дипломата, а затем как невольный политический изгнанник, долго жил он за пределами России. И всегда по всем странам возил в мешочке щепотку русской земли. Очень нескоро удалось ему вернуться в Россию, которой он всегда оставался верен.

В Москве он жил на Старой площади. Я много раз встречал его - седого, но сохранившего великолепную выправку, с неизменной толстой палкой в руках. Памятен мне день, когда он пригласил меня на "ужин по-русски". В его скромной квартире все блистало удивительной чистотой, порядком, уютом. В специальном стеклянном шкафу - ордена и медали, полученные хозяином дома в разные годы жизни. Нас пригласили за хорошо сервированный стол. Серебряные приборы, тонкий фарфор...

Единственным блюдом, не считая чая, - была гречневая каша со шкварками. Готовил ее собственными руками Алексей Алексеевич. Он вообще был замечательный кулинар. Такой изумительно вкусной каши *я* никогда в жизни ни до этого, ни после не едал. Мне выпало счастье много вечеров провести в обществе Алексея Алексеевича. Он был превосходным рассказчиком. Мне кажется, я слышу его голос всегда, когда открываю страницы его книги "Пятьдесят лет в строю".

Нет, я не могу пожаловаться на отсутствие ко мне интереса и уважения ни со стороны своего государства, которое высоко ценит и оплачивает мою работу, ни со стороны прессы, которая нередко пишет обо мне, ни со стороны зрителей, которым выступления нравятся, судя по тому хотя бы, что непроданных на мои "Психологические опыты" билетов, как правило, не бывает. И

лишь одна категория населения относится ко мне не всегда одинаково - это ученые.

Я могу четко разделить их на две группы, на моих сторонников и противников. Помню, с каким огромным чисто профессиональным интересом отнесся ко мне на заре моей жизни немецкий профессор Абель. Помню, как много со мной возился доктор Фрейд. Не меньшую заинтересованность высказал и советский академик П.П. Лазарев, к сожалению, рано умерший.

Но есть и еще одна категория ученых - тех, кто рад бы принять, но не понимает сущности моих опытов. В 1950 год мое непосредственное начальство - гастрольное бюро, по линии которого выступал я со своими "Психологическими опытами". обратилось к Институту философии Академии наук СССР с просьбой помочь в составлении текста, который бы объяснял материалистическую сущность моих опытов. В ответ было получено такое письмо:

"Психологические опыты Мессинга, которые вы сейчас увидите, свидетельствуют о наличии у Мессинга чрезвычайно интересной способности. Мессинг в точности, безошибочно выполняет самые сложные мысленные приказания, которые любой из присутствующих пожелает ему предложить.

На первый взгляд, умение Мессинга улавливать мысленные приказания других людей может показаться какой-то таинственной, сверхъестественной способностью. Однако, в действительности, ничего сверхъестественного Мессинг не делает. Его опыты полностью объясняются материалистической наукой. Для того, чтобы у присутствующих была полная ясность в отношении опытов Мессинга, кратко расскажем, почему ему удается выполнять сложнейшие задания зрителей.

Органом мысли является мозг. Когда человек о чем-либо думает, его мозговые клеточки мгновенно передают импульс по всему организму. Например, если человек думает о том, что он берет в руку какой-либо предмет, представление об этом действии сразу же изменяет напряжение мышц руки. Правда, это напряжение мышц руки очень незначительно, однако оно реально существует.

Острота органов чувств не у всех людей одинакова. Некоторые люди, в силу условий их жизни и деятельности, обладают очень высокой, иногда поразительной чувствительностью.

Вольф Мессинг - это человек, обладающий исключительно высокой и натренированной чувствительностью - человек-анализатор. Его мозг способен производить удивительно тонкий чувствительный анализ. Его чувствительность настолько остра,

что ему удается схватывать незаметные изменения в теле человека, которые происходят, когда человек о чем-либо думает. Мессинг непосредственно ощущает двигательные импульсы, поступающие из мозга в мускулатуру, когда испытуемый мысленно дает Мессингу задание.

Если задание очень сложное, Мессинг последовательно ощущает целую серию происходящих в мышцах изменений. Для того чтобы осуществить это, Мессинг должен до предела напрячь свою нервную систему, отвлечься от множества посторонних раздражителей, выбрать только те сигналы, которые указывают правильный путь. Поэтому внешнее поведение Мессинга зачастую необычно. Для решения задачи он должен приложить немалые усилия.

Таким образом, совершенно неправильно было бы думать, что опыты Мессинга доказывают возможность передачи мысли из одного мозга в другой. Мысль неотделима от мозга. Если Мессинг отгадывает ее, то только потому, что мысль влияет на состояние органов движений и всего тела, и потому, что сам Мессинг обладает способностью непосредственно ощущать это состояние.

Наблюдая опыты Мессинга, мы еще раз убеждаемся в том, что нет такого явления, которое не находило бы исчерпывающего научного объяснения с позиций диалектико-материалистической теории."

До сих пор все мои выступления сопровождает этот текст.

Я много уже говорил на этих страницах о своих способностях, не конкретизируя и не объясняя, что за этим словом скрывается. Настало время рассказать все, что я знаю об этом.

Итак, что же я умею делать?

ГЛАВА III.
ЧТО Я МОГУ? ТЕЛЕПАТИЯ

...Автобус грязь месит,
Автобус филармонии по лужам бежит.
На концерт к шахтерам
Едет Вольф Мессинг.
Наверное, без Мессинга они не могут жить...
Тучи над дорогой залегли, нависли.
Едет Вольф Мессинг,
Спокойствием лучась.
Шахтерские подземные,
Подспудные мысли
Начнет он, будто семечки, щелкать сейчас...
Пусть он чудодейством
На всех со сцены дунет!
Отгадывает мысли, -не все ль ему равно,
Но пусть вслух не говорит,
-О чем шахтеры думают,
Потому что в зале женщин полно...
И я со всеми вместе от чудес немею.
Ахаю! Охаю! Не верю глазам...

Это стихотворение - я процитировал только часть его - написал молодой Роберт Рождественский. Он показал в нем телепата. Об этом и пойдет речь в третьей главе.

Мой друг писатель Михаил Васильев, научный популяризатор, много раз задавал мне вопрос: "Скажите, Вольф Григорьевич, как это у Вас получается? Как Вы это делаете?"

Я знал, что его мучит не праздное любопытство, что ему надо знать ответ на этот вопрос. Ведь он собирал тогда материалы для последнего тома своей серии книг "Человек и вселенная". Этот том назывался "Человек наедине сам с собой". Но что я мог ответить на его вопрос? По существу ничего. Ибо я сам не понимаю, как это делается.

Только не подумайте, пожалуйста, что я хочу представить мои способности в этой области чем-то непознаваемым, сверхъестественным, таинственным. Ничего ни сверхъестественного, ни непознаваемого в них нет. Во всяком

случае не больше, чем в любых других способностях человека.

Приведу простой пример. Представьте себе, что Вы очутились в стране слепых. Ну, скажем, в той, которую нарисовал в одном из своих рассказов Герберт Уэллс, или в той, в которую перенес действие маленькой драмы Морис Метерлинк.

Итак, в этом мире слепых, где и не подозревают, что такое зрение, Вы - единственный зрячий.

И дотошный слепой научный писатель, которому это действительно нужно знать для его работы, настойчиво допрашивает Вас:

- Неужели Вы можете видеть предметы, удаленные от Вас на десятки, сотни и тысячи метров?

Невероятно! Ну, расскажите, как это у Вас получается?

Как это Вы делаете?

А теперь оторвитесь от этих страниц. Закройте глаза.

Откройте их. И попытайтесь объяснить этому дотошному писателю, как это Вам удается видеть.

Вот в таком же положении оказался и я перед вопросом моего друга.

Но Вы, в приведенном мною примере, все-таки будете в лучшем положении, чем я.

Вы сможете объяснить физическую сущность видимых лучей, рассказать о том, как работает глаз с его линзой - хрусталиком и дном, на которое проецируется изображение, поведать о нервных окончаниях - палочках и колбочках, воспринимающих разницу в силе освещенности и в длине волны. То есть Вы сможете сообщить все, что ряд поколений ученых на основе тысяч опытов в нашем зрячем мире установил как объективную истину. Ну, а если Вы уроженец этой страны слепых, где никаких научных опытов в области зрения не ставилось, то Вы ничего объяснить не сумеете. И окажетесь именно в том положении, в котором оказался я.

Обращаются ко мне и с другим вопросом:

- Научите, Вольф Григорьевич!

Я обычно только пожимаю плечами. Видимо, развить эту способность, как и всякую другую, ну, скажем, способность к живописи, можно. Не зря же существуют разнообразнейшие художественные училища. Но если у человека нет таланта художника, великих картин он не напишет, сколько бы его ни учили. Ну, простите, несколько грубое сравнение: не доводилось ли Вам в детстве завидовать товарищу, который умеет шевелить ушами? И не пытались ли Вы научиться этому искусству? Я завидовал и пробовал. Но до сих пор не умею.

Я вспоминаю бесчисленные встречи с самыми различными

телепатами - от тех, что действительно в той или иной степени могли воспринимать чувство, образ, мысль, до ловких или неловких мошенников, делавших вид, что они обладают способностью телепатического восприятия. Кстати, демонстрировать "чтение мыслей", имея одного-двух ловких помощников и немного потренировавшись, ничего не стоит. Не раз мне приходилось видеть такое представление.

На сцену выходят двое, скажем, мужчина и женщина. Мужчина плотно завязывает глаза черным платком. Делегаты из публики поднимаются на сцену и проверяют: да, повязка такова, что увидеть через нее что-либо невозможно. Тогда женщина спускается в зал. Сеанс начинается.

Женщина останавливается около восьмого ряда. В крайнем кресле сидит полковник с четырьмя рядами орденских ленточек и золотой звездой Героя Советского Союза на груди. Волевое обветренное лицо. В глазах - живой интерес к происходящему. Женщина отчетливо, чтобы слышал весь зал, спрашивает:

- Кто рядом со мной?

Мужчина на сцене также громко отвечает:

- Военный...

- Уточните... Подумайте...

Но мужчине уже не надо думать:

- Полковник...

- Род войск? Быстрее!..

- Пехота.

- Точнее!

- Гвардейская пехота.

- До чего я дотронулась?

- Орденские колодки.

- Четче!

- Ленточка, означающая, что полковник награжден орденом Красного Знамени...

- Сколько у него таких орденов? Отвечайте не сразу. Считайте...

- Четыре.

- Правильно. А сейчас, рядом с кем я встала?

И так далее. Диалог этот может длиться почти бесконечно. Я смотрю на такой сеанс "чтения мыслей" с двояким чувством. С одной стороны, мне доставляет удовольствие, как и всем в зале, искусство, натренированость "телепата" и его помощницы. Точно так же я с величайшим удовольствием наблюдаю всегда манипуляторское искусство хорошего фокусника - такого, как Дик Читашвили. Но мне досадно, что эти очень ловкие люди не имеют той принципиальной честности, которой в полной мере

обладает Дик Читашвили. Хватая на глазах у изумленных зрителей прямо из воздуха подряд девять уже зажженных папирос, он не утверждает, что они изготовлены из солнечных флюидов. Наоборот, он готов в любое мгновение сообщить Вам адрес ближайшего табачного киоска, в котором он их купил. Дик великолепно делает фокусы и не скрывает этого. Он демонстрирует свое искусство манипулятора, искусство, доступное немногим. Он даже готов открыть Вам свои секреты

-Вы все равно не сможете повторить его фокусы без предварительной тренировки. Ну, попробуйте, например, поднять со стола трехкопеечную монету, действуя только мускулами ладони. А у Дика Читашвили она словно приклеивается к ладони. Точно так же Вы не сможете повторить "Аппассионату" Бетховена, исполняемую на Ваших глазах пианистом, который вообще ничего не скрывает. А эти "телепаты", тоже показывающие фокусы, не сознаются в этом. Они утверждают, что демонстрируют телепатию.

Как делается описанный выше фокус? У мужчины и женщины существует четко разработанный код, с помощью которого они разговаривают на глазах у всего зала. Уже в самом вопросе, задаваемом женщиной, содержится ответ, который должен дать мужчина.

В приведенном диалоге этот код таков:

Слово Его кодированное значение

- Кто рядом? - военный
- Уточните... - подумайте полковник
- Быстрее... - пехота
-Точнее
- Гвардейская пехота
-До чего я дотронулась
- Орденские колодки
- Четче.. - орден Красного Знамени

Отвечайте не сразу, считайте (четыре слова)...- четыре

Если бы, скажем, вместо слов "уточните, подумайте", было сказано только "уточните" - это означало бы воинское звание подполковник; одно "подумайте" - "генерал". Если бы вместо "я дотронулась" женщина сказала "я коснулась", - это было бы "погон"; "я прикоснулась" - "звездочка Героя Советского Союза", "прикоснулась я" - "головной убор" и т.д.

Возможности для передачи сведений такого рода кодом, учитывая, что информацию переносят не только слова, но и их порядок, паузы между ними и интонация, - практически неограниченны. И Вы, взяв в помощь любого помощника, можете легко демонстрировать этот фокус.

Пришлось мне как-то видеть и другое представление, которое тоже выдавалось за "чтение мыслей". На этот раз женщина осталась на сцене, а мужчина спустился в зал. И зазвучал диалог:

- С кем рядом я стою?

- Военный. Полковник, награжден четырьмя орденами Красного Знамени.

- А теперь рядом с кем?

- Шахтер. С ним его очаровательная молодая жена.

- А теперь рядом с кем?

- Инженер, он одет в серый костюм. В руках у него вчерашняя газета.

- А теперь рядом с кем?

- Мальчик. Ученик седьмого класса. Он пришел прямо из школы со своим портфелем.

Диалог мужчины и женщины на этот раз таков, что исключает возможность передачи информации в вопросах. Но и это не телепатия. Это - чревовещание.

Женщина на сцене - ее лицо и губы были скрыты темной накидкой - не произнесла в течение всего сеанса ни одного звука. И вопросы задавал, и ответы давал разными голосами только мужчина. Он обладал тоже очень редкой способностью -говорить, не двигая губами, разными голосами, да и еще так, что почти невозможно определить, откуда исходит звук. Он и вел весь сеанс.

Я уже говорил ранее, что владею умением приводить себя и состояние каталепсии. Это древнее искусство, которым превосходно владеют индийские йоги. Каталепсия - состояние полной неподвижности с абсолютно застывшими членами и абсолютной одеревенелостью всех мышц. Когда я вхожу в состояние каталепсии, меня можно положить затылком на один стул, пятками на другой так, чтобы образовался своеобразный мост. На меня при этом может сесть весьма солидный человек. Мне не приподнять и на миллиметр над землей этого человека в обычном состоянии. А в состоянии каталепсии он может сидеть на мне столько, сколько ему вздумается. Я даже не почувствую тяжести его тела. Вообще, я в это время почти ничего не чувствую. Перестает прощупываться пульс, исчезает дыхание, почти неуловимо биение сердца...

Я вхожу в это состояние самопроизвольно, правда, после длительной, в течение нескольких часов, самоподготовки, заключающейся в собирании в единый комок всей своей воли, видимо, с помощью самогипноза. В последние годы во время сеансов "Психологических опытов" этого своего умения я не демонстрирую. Но когда я жил в Польше, самопроизвольная

каталепсия была почти обязательным номером выступлений, и мне не раз приходилось встречать своихх подражателей, которые демонстрировали такое же умение с помощью чисто механических приспособлений.

Помню, такое состояние демонстрировал на полузакрытом сеансе в Варшаве один доморощенный факир. Я пришел на этот сеанс со своим доктором. Было все, как и при моих выступлениях. Плечистый дяденька глубоко вздохнул, вытянул руки по швам и упал в кресло, вытянувшись, как струна. Помощники взяли и положили его затылком и пятками на стулья. Уселся на него один из самых полных людей, присутствовавших в зале. Доктор взял руку, висящую между стульями, и попытался прощупать пульс. Его не было. Полная иллюзия каталепсии! Но я-то видел, что это не так.

К "каталептику" подошел мой друг - доктор. Он пощупал пульс на обеих руках. Действительно пульса не было. Тогда он взял стетоскоп и послушал сердце. Это заняло две секунды. Он поднялся, сунул стетоскоп в карман и сказал:

- Сердце бьется отчетливо. Еще на сто лет хватит. Вставайте, чудотворец.

Веки "каталептика" дрогнули. Доктор дернул его за руку. И из подмышки в оттопырившийся мешком фрак выкатился стальной шар. Прижимая такие шары руками к телу, "каталептик" пережимал кровеносные сосуды, и пульс в кистях рук прослушивать было действительно невозможно. Кровь переставала поступать в руки. Конечно, ни о каком лежании в таком положении в течение нескольких суток и даже нескольких часов не могло быть и речи: в руках от застоя крови просто началась бы гангрена. После разоблачения "каталептик" снял с себя и продемонстрировал остальной свой довольно хитроумным механизм: систему металлических стрежней и корсетов с замками, которые начинались за высоким воротником у затылки и кончались у пяток. Эти стержни и корсеты и выдерживали тяжесть его собственного тела и тела сидящего на нем человека.

Вообще, надо сказать, что в некоторых странах очень, распространены так называемые "оккультные науки". Я видел разрисованные пестрыми красками домики гадалок, магов, волшебников, хиромантов на Елиссйских полях и Больших бульварах в Париже, на Унтер ден Линден в Берлине, встречал их в Лондоне, Стокгольме, в Буэнос-Айресе, в Токио. И ничего не изменял в сути дела национальный колорит, который накладывал свой отпечаток на внешнее оформление балаганов, на одежду предсказателей.

Помню хироманта Пифело, о котором я уже упоминал. За

соответствующую плату он раздавал талисманы. У него были специальные талисманы "от пули и штыка в бою", "для нерожавших женщин", "для удачи в коммерции" и так далее. И непонятно одно: почему, таская в чемоданчике тысячи талисманов "для удачи в коммерции", Пифело сам не стал миллионером.

Психографолог Шиллер-Школьник брался предсказывать и номера лотерейных билетов, на которые должны выпасть выигрыши в ближайшем розыгрыше. Когда мне об этом рассказывали, я задавал только один вопрос: почему эти номера не купит сам графолог, хотя бы для того, чтобы иметь позможность бросить свою сомнительную и рискованную профессию. Ответа на этот вопрос обычно не поступало.

Помню я и таинственное общество метапсихиков - общество спиритов и мистиков. Это было в тридцатые годы, когда в Польше особенным интересом в определенных кругах пользовался спиритизм. Членами этого общества было множество "медиумов". Как известно, спиритизм - насквозь мистическая убежденность, что души умерших могут при известных условиях вступать в контакт с живущими на земле людьми. Главное условие этого контакта - присутствие медиума. Обычно спириты этого общества собирались вместе с медиумом в одном помещении. Не верящие в эти опыты сюда не допускались, ибо скептик может якобы помешать сеансу, он испускает "отрицательные флюиды", мешающие душе умершего человека вступить в связь с живыми. Содержание эпизодов варьировалось в зависимости от того, какой медиум находился в помещении.

Были медиумы - специалисты по стуку, по столовращению, но игре на гитаре, по писанию грифелем на доске, даже по материализации духов. В простейшем случае, когда присутствовал медиум-стукач, беседа с духом велась по алфавиту. Медиум впадал в транс, в состояние, подобное гипнотическому. Через некоторое время раздавался стук в стену: дух сообщал, что он явился. Ему вслух начинали задавать вопросы. И шла длинная серия стуков. Их считали. Каждая серия означала номер буквы в алфавите. Из букв составлялись слова.

У других медиумов духи играли на гитаре, положенной где-либо в труднодоступном месте, у третьих - передвигали мебель, у четвертых - писали свои ответы мелом на черной школьной доске.

Самым "сильным" медиумом считался некий Ян Гузик. Он вызывал духов - Наполеона, Александра Македонского, Адама Мицкевича... Этот человек просто обладал умением вызывать массовый гипноз и пользовался этим умением.

Надо ли добавлять, что весь спиритизм, по моему

глубочайшему убеждению, основан на обмане и шарлатанстве. Фридрих Энгельс в статье "Естествознание в мире духов" охарактеризовал спиритизм как "самое дикое из всех суеверий". Д.И. Менделеев разоблачал хитроумные проделки спиритов. Лев Толстой высмеял спиритизм в комедии "Плоды просвещения".

Могу добавить к этому и еще несколько фактов. В Лондоне мне пришлось быть на представлении в цирке, где акробаты фокусники демонстрировали все спиритические "чудеса", а потом объясняли их нехитрый механизм. А знаменитый в свое время чуть ли не во всем мире медиум Паркер, нажив состояние, потом сам смеялся над спиритизмом, называя его "вековой глупостью".

Я столь долго останавливаюсь на всех этих "оккультистах" именно потому, что видел их близко, видел и за кулисами, трогал самые тайные пружины устройств, с помощью которых они дурачили легковерных зрителей. Я не люблю обмана. И мне гораздо симпатичней честный факир Бен Алли, в своё время выступавший в Варшавском цирке. Один из номеров состоял в том, что в него стреляли из пистолета, а он ловил руками пули. Он не скрывал, что это ловкий фокус, не ссылался на потусторонние, помогающие ему силы. И когда один офицер предложил ему выстрелить в него из своего пистолета, он серьезно ответил:

- Пан! Неужели бы Вы согласились, будучи на моем месте, за какие-то пять злотых в день оказаться убитым?!

И второе. Я рассказываю это так подробно для того, чтобы отделить мистику и шарлатанство от телепатии, не имеющей ничего общего ни с мистикой, ни с шарлатанством. Телепатия вполне материалистична. К сожалению, это явление очень плохо изучено. Оно плохо изучено по двум причинам. Во-первых, его скомпрометировали шарлатаны, которых всегда было несравненно больше, чем истинных телепатов. Конечно, встречались ученые, которые пытались понять сущность телепатии, изучить это явление. Но, столкнувшись по законам теории вероятности и раз, и другой с шарлатанами, они приходили к выводу, что и вся телепатия - сплошное шарлатанство. Есть и вторая причина, в которой повинны сами телепаты. Одни старались неистово раздуть слухи о своих возможностях, чтобы использовать их с нечестными целями, другие, наоборот, их скрывали, третьи - даже не догадывались о наличии у них этих свойств.

Видимо, значительными телепатическими способностями обладал знаменитый международный авантюрист граф Александр Калиостро. Его настоящее имя Джузеппе Бальзаме. Родился на острове Сицилия в 1743 году, умер в 1795 году в форте Сан-Леоне

близ Урбино, куда был заключен по приказанию Римского Папы Пия VI. Калиостро разыгрывал роль врача, способного исцелить ото всех болезней, естествоиспытателя, алхимика, владеющего секретом философского камня, ясновидца, которому открыто будущее. Он уверял всех, что бессмертен, что ему уже тысячи лет. К сожалению, граф не оставил ни дневников, ни записок - приписываемые ему мемуары подложные. Его загадочный образ привлекал к себе внимание многих писателей - от Александра Дюма до Алексея Толстого. Но они рисовали фигуру этого человека, главным образом базируясь на легендах и преданиях. В свое время я заинтересовался его личностью и проанализировал некоторые записи и свидетельства современников. Да, это был очень ловкий жулик, но, несомненно, в арсенале его средств были и очень сильные способности телепата.

Калиостро, безусловно, принадлежал к первой группе телепатов - **к** тем, кто неистово преувеличивал свои возможности. В этом близок ему был и уже упоминавшийся неоднократно Ганусен-Лаутензак, утверждавший, например, что его устами могут говорить души умерших. Для этого он учился изменять голос, пытался освоить чревовещание. И тот, и другой - и Калиостро, и Ганусен - относятся к первой группе телепатов, стремящихся использовать свои способности для личных корыстных и нечестных целей. Конечно же, стремление ученого, который бы захотел объективно установить уровень способностей этих людей, натолкнулось бы на их энергичное сопротивление. А можно ли провести изучение возможностей телепата, если он не захочет всеми силами помочь в проведении этих исследований? Конечно же, нет!

К счастью, не все телепаты поступают так, как Калиостро и Ганусен. Есть телепаты с совершенно иной психологией. Мне рассказывали об очень интересной встрече, на которой присутствовало человек 30 - 35, телепата-любителя Карла Николаева и известного противника телепатии, отрицающего самую возможность непосредственной передачи образа из мозга в мозг, профессора Александра Китайгородского.

Несколько слов о доводах профессора Китайгородского против телепатии, о том, что нет поля, которое могло бы здесь участвовать. Это очень старое и очень наивное возражение. Во-первых, давным-давно известно, что мыслительная деятельность человека сопровождается возникновением в мозгу электрических токов. Их великолепно умеют снимать и записывать в виде зубчатых кривых на широких листах бумаги. Причем чем энергичнее, чем напряженнее думает человек, тем резче и больше эти кривые линии. Значит, при рождении мысли рождаются и

электрические токи, и сопровождающее их электромагнитное поле. Почему бы не считать его той материальной субстанцией, которая участвует в транспортировке мысли? На это обычно возражают: но токи эти слишком малы, и рождаемое ими электромагнитное поле, соответственно, слишком мало. Его напряжение так ничтожно, что уже на небольшом расстоянии замерить его невозможно. Но это тоже несерьезное возражение. На этой же встрече с телепатом, Китайгородский привел несколько примеров поразительной тонкости человеческих чувств. Он напомнил об опытах академика Сергея Вавилова, доказавшего, что человеческий глаз способен улавливать, ощущать даже отдельные кванты света.

Так почему бы уважаемому ученому не попробовать - пусть в виде гипотезы - принять предположение, что и чувствительность человеческого мозга к биотокам, рожденным в другом мозгу, значительно выше, чем у наших приборов? Почему не предположить, что всего один или несколько квантов электромагнитного поля, попавшие в этот воспринимающий механизм, могут вызвать резонанс, своеобразный лавинный процесс, значительно усилиться и вызвать ощущения, аналогичные тем, что господствовали в излучающем мозгу.

Второе возражение против электромагнитного поля биотоков как переносчика информации состоит в том, что его считают явлением не главным в процессе мышления, а чем-то сугубо побочным, вроде дыма из заводских труб. Я охотно соглашаюсь с этим, но хочу напомнить, что и по дыму из заводских труб можно многое сказать о производстве. Дым мартеновских печей скажет специалисту о рождающейся стали. Дым цементных печей отличен от этого дыма. Дым из труб завода, в печах которого идет обжиг руды ртути, нельзя спутать с дымом из котельной ТЭЦ. И опять, споря методами аналогий (ибо какие же еще методы могу применить я в этом споре со скептиками-учеными), могу сказать: почему бы не предположить, что у некоторых людей есть тонкие анализаторы, не только точно фиксирующие состав этих "дымов", но и четко определяющие, в результате чего эти "дымы" получились, и способные ответить, какую "продукцию" выпускает "завод".

Кстати, гипотезу об электромагнитной природе телепатических явлений подробно разработал инженер-электрик кандидат физико-математических наук Бернард Кажинский. Мне много рассказывали об этом интереснейшем человеке, и я сожалею, что не удалось мне познакомиться с ним, а теперь это невозможно: он умер в 1962 году. Это был человек изумительной эрудиции, принимавший участие в опытах известного

дрессировщика животных В.Л. Дурова, друживший с К.Э. Циолковским, В.М. Бехтеревым, П.П. Лазаревым. Некоторые считают, что и он сам обладал незаурядными телепатическими способностями. Кажинский явился прототипом одного из героев известного научно-фантастического романа А.Р. Беляева "Властелин мира" - инженера Качинского. Как известно, инженер Качинский в романе Беляева также занимается непосредственной передачей мыслей.

Роман "Властелин мира" написан в 1928 году. Но еще в 1923 году вышла в свет книга самого Б.Б. Кажинского "Передача мыслей (факторы, создающие возможность возникновения в нервной системе электромагнитных колебаний, излучающихся наружу)". В 1962 году он издал свою последнюю книгу "Биологическая радиосвязь". Все это время, почти сорок лет, разделяющие две книги, ученый следил за достижениями целого ряда наук - от психиатрии до радиоэлектроники, находя все новые и новые доказательства своей гипотезе. Да и сам он провел сотни и тысячи разнообразнейших опытов, стремясь найти окончательные доказательства.

Нашел ли он их? Кажинский считал, что нашел. В частности, вместе с Дуровым он проводил опыты внушения животным из металлической заземленной камеры, не пропускавшей радиоволн. При открытой двери камеры внушение достигало цели, животное выполняло мысленно приказ, при закрытой - опыты оказывались безрезультатными. Но мне не кажется окончательно убедительной эта серия опытов, хотя бы потому что аналогичные опыты ленинградского ученого Л Л. Васильева дали противоположный результат: изолирующая от радиоволн камера ни в малой степени не мешала у него передаче мысленного внушения. И поэтому вопрос о гипотезе электромагнитной или, точнее, радиоволновой природе передачи мыслей все еще остается предположением. Надо четко и бесповоротно установить, участвует ли в передаче мыслей электромагнитное поле. Со своей стороны могу сказать: для меня почти безразлично, есть ли у меня личный контакт с моим индуктором или нет, т.е. держу я его за руку или нет. Большинству же телепатов легче проникнуть в мысли человека, если они держат его руку. Может быть, этот факт поможет в поисках истины?

Hv а если окажется, что электромагнитное поле здесь ни при чем.'как быть? Да очень просто! Надо будет найти это еще неизвестное поле, которое ответственно за телепатические явления Найти и изучить его. Овладение им может открыть новые совершенно удивительные возможности, не меньшие, чем открыло овладение электромагнитным полем. Вспомните: Генрих

Герц открыл радиоволны в 1886 году. И меньше чем за сто лет стало возможно радио, телевидение, радиолокация, закалка токами высокой частоты и т.д. Почему же не ожидать, что новое, не открытое еще сегодня поле, не одарит нас еще большими чудесами?!..

Что это за поле? Я, конечно, не могу ответить на этот вопрос. Известный советский ученый Н. А. Козырев высказал предположение, что это могут быть волны гравитационного поля. Такое мнение разделяют и некоторые другие ученые. Они мотивируют свое предположение тождеством свойств гравитационных волн, для которых нет преград, нет непрозрачных экранов и, так сказать, "телепатических волн , которые также, по некоторым опытным данным, обладают почти абсолютной способностью пронизывать любые препятствия.

Другой советский ученый, кандидат медицинских наук В А Козак, пишет так: "Сейчас, когда почти каждый день приносит нам новые поразительные открытия, когда физикам известно огромное количество новых "элементарных" частиц с невыясненной еще функцией, вполне законно предположить, что к числу неизвестных функций, выполняемых этими частицами, относится и функция передачи мысленной информации..."

А может быть, мы и вообще ничего не знаем об этом новом поле или о частицах, или о еще более своеобразном механизме телепатии, как всего восемьдесят лет назад ничего не знали о радиоволнах - гигантском участке электромагнитного спектра.

Приношу читателю извинения за столь пространное отступление от основной линии повествования. Пусть простят они это мне, не профессионалу-писателю, а человеку, стремящемуся лишь достаточно подробно, точно и откровенно ответить на задаваемые ему вопросы.

Итак, мы говорили, что есть телепаты трех, так сказать, видов, и на примере первой категории попытались объяснить, почему, на наш взгляд, телепаты сами мешают исследовательским работам. Теперь коснемся другой группы телепатов, скрывающих свои возможности.

История знает немало очень проницательных дипломатов. С ними трудно было вести переговоры: они как-то угадывали самые тайные мысли своих противников, самые их хитроумные планы. Предположим - в порядке рабочей гипотезы, - что некоторые из них пользовались не только донесениями своих явных и тайных агентов, не только обладали удивительными способностями анализа и сопоставления, но и умением читать мысли противника. Как Вы думаете, стали бы они афишировать свое умение? И таких случаев, если прикинуть, очень много. Да, это

свойство - умение читать чужие мысли - было бы полезно во многих делах, но только чтобы этого никто не знал, чтобы эта способность была тайной. И я убежден: огромному большинству телепатов на Западе из-за опасения конкуренции невыгодно открывать даже самым близким людям свои тайные способности. Конечно, это не способствовало изучению сложной области психической деятельности человека.

И, наконец, последняя, третья группа телепатов - тех, кто вообще не сознает наличия у себя этих редких свойств.

Мне вспоминается сейчас рассказ об одном старшине сверхсрочной службы, работавшем на пограничной заставе. Требовательный командир и добрый товарищ, он был неотвратимой грозой контрабандистов. Куда бы ни запрятали преступники документы, золото, валюту, запретные наркотики, он находил их с первого взгляда. Подойдет к человеку, подозреваемому в контрабанде, посмотрит в глаза:

- Смотрите левый сапог. Отвинтите каблук. Или...

- Двойное дно у чемоданчика; наружу или внутрь открывается? Ах, наружу. Отлично! Дайте мне отвертку.

Когда у этого старшины спрашивали, как это он догадывается о самых хитроумных тайниках контрабандистов, он отвечал:

- Сам не знаю. Но с первого взгляда чувствую, когда дело нечисто. И сразу догадываюсь, где контрабанда спрятана.

Офицеры ценили проницательного пограничника. Призывали молодое пополнение учиться у него великолепному умению. Любили говорить:

- Вот что значит опытность! Девять лет на границе!

А я убежденно могу сказать: опытность здесь не при чем. Если и не сразу, то очень скоро стал этот старшина таким всевидящим стооким Аргусом. И девяносто восемь глаз из этих ста дала ему телепатия.

Да, он читал мысли этих контрабандистов, и ему сразу становилось ясно, где у них скрыта контрабанда. Стоя перед пограничником, человек не может думать только о голубизне неба или глазах своей возлюбленной. Он неизбежно думает о запрятанных в тайные места контрабандных предметах. И чем больше он о них думает, тем откровеннее себя выдает.

Этот старшина - безусловно, телепат. Но, вполне возможно, он и не подозревает об этом. И, вполне возможно, попав на сеанс моих "Психологических опытов", честно и искренне аплодировал бы мне и удивлялся вместе с другими, не подозревая, что и сам обладает подобными способностями. Жаль, что я не сохранил газетной заметки, рассказывающей о нем, и не запомнил его имени...

Конечно, и такой телепат тоже не помог бы ученым разобраться в этом интересном явлении. А разобраться обязательно надо!

Передо мной - толстая пачка газетных вырезок. Их очень много скопилось за годы моей жизни в Советской стране. Вес это - статьи о моих выступлениях. Я просматриваю их одну за другой, чтобы решить, какие выбрать для цитирования здесь. Трудная задача! Они так похожи одна на другую. Особенно их центральная часть. Почти ни одна не обходится без упоминания имени И.М. Сеченова и И.П. Павлова. Почти ни одна не обходится без пересказа того вступительного слова, которое уже известно моим читателям и моим зрителям. Вот только начинаются они все по-разному. Здесь авторы позволяют себе дать волю собственным впечатлениям, говорят собственными словами.

Я приведу здесь без всяких сокращений статью, опубликованную в № 3 журнала "Здоровье" за 1963 год. Эта статья так и называется - "Об опытах Мессинга". Написал ее профессор Г.И. Косицкий. Вот она:

"Много лет назад я побывал на одном из выступлений Вольфа Мессинга. Ведущий объявил, что Мессинг будет выполнять любые задания, которые надо изложить в письменном виде и передать жюри, избранному из публики. Жюри будет проверять правильность выполнения, самому же Мессингу записи не нужны: он воспримет содержание задачи путем "передачи мыслей".

В аудитории наступила тишина. Неужели действительно мысль может непосредственно передаваться от человека к человеку? Неужели существуют для этого особые электромагнитные волны или лучи? Мне захотелось убедиться во всем самому, и я послал записку. Задание было сложным:

"Приставной стул из 13-го ряда принести на сцену. Извлечь из кармана девушки, сидящей на 10-м месте в 16-м ряду, два удостоверения и сложить сумму цифр номера первого из них и число, по которое действительно второе. Достать из другого кармана деньги в количестве, равном указанной сумме, и положить их под левую переднюю ножку принесенного стула".

Меня вызвали на сцену. Мессинг попросил взять его за руку и сосредоточиться на задаче. Яркий свет прожекторов слепил глаза. Я держал руку Мессинга, а он стоял рядом, Вдруг он ринулся со сцены в зал, увлекая меня за собой, схватил приставной стул в 13-м ряду и вынес его на сцену.

Освоившись с необычной обстановкой, я решил начать свой эксперимент. Я понял, что моя рука, сжимавшая запястье Мессинга, оставалась все это время бесконтрольной. Расслабив мышцы, я сосредоточился на задании, которое старался передать

ему мысленно. Со стороны все это выглядело, по-видимому, довольно странно. Один человек с застывшим взглядом замер на месте, а другой суетился и метался вокруг. Мессинг производил десятки мелких, почти неуловимых движений в разных направлениях, замирал на мгновение, вглядывался в меня и начинал все сначала. Рука моя оставалась безжизненной.

- Не думайте о себе! Не думайте о себе! - тихо произносил он, не в состоянии сделать ни шага. Он был неправ: я не думал о себе, а сосредоточился на задании настолько, что перестал замечать все вокруг.

В этот момент стало понятно, что мысль моя непосредственно передаваться ему не может, что он улавливает ее только по реакции моей руки. Производя десятки случайных движений в разных направлениях, он мгновенно оценивает мою реакцию на каждое из них. Понятно, что если он случайно движется в нужном направлении, я реагирую на это по-другому. Он продолжает нужное движение и снова следит за мной. Это не "передача", а угадывание мысли.

Я понял, что Мессинг воспринимает движение моей руки. Так ли это? Я очень легко стал сжимать ему руку каждый раз, когда направление его движения оказывалось правильным. Мессинг ожил. Каждый раз он чувствовал едва уловимое пожатие моей руки, когда начинал двигаться в нужном направлении.

Он нашел девушку в 16-м ряду, вывел ее на сцену (хотя в задании не было этого) и вновь начал делать десятки мелких движений. Когда его руки оказались около карманов, я вновь слегка сжал руку, а он в то же мгновение извлек из карманов все, что там было, и положил на стол. В одно мгновение он успел прикоснуться по очереди к каждому предмету, и вновь моя рука слегка сжалась в тот момент, когда он дотронулся до удостоверений.

Мгновение - и удостоверения отложены в сторону. Он открыл их и начал легко водить карандашом по строчкам. Как только карандаш оказался около нужной цифры, я вновь сжал руку. Так повторилось и с другим удостоверением. Затем я таким же образом привлек его внимание к деньгам и помог ему угадать, куда их нужно положить. Он выполнил свою задачу, но о том, что я над ним экспериментировал, он так и не догадался.

С той поры прошло много времени и я, наверное, не вспомнил бы этого случая, если бы не предложение редакции ответить на письма читателей журнала. Некоторые из них ставят тот же вопрос: может ли мысль передаваться от человека к человеку непосредственно? Ссылаются на телепатию. Приводят в качестве примеров опыты Мессинга и других.

Я не видел опытов телепатов и не берусь о них судить. Что же касается Мессинга, то нужно со всей решительностью подчеркнуть, что ничего таинственного в его опытах нет. К телепатии они не имеют никакого отношения.

Наша мысль - продукт мозга и не может существовать в отрыве от него или от материи вообще. Только идеалисты думают, что мысль может существовать в чистом виде, то есть вне связи с материей. Когда человек передает мысль другому, он передает материальные, весомые, зримые, слышимые носители мысли: слово, текст, знаки и т.д. Наука физиология неопровержимо доказала, что мысль - это результат тонкой и весьма сложной нервной деятельности организма человека. Эта деятельность может проявиться в виде движения, жеста, слова, письма.

Но мысль может и не проявиться. Есть немало внутренних скрытых мыслей, переживаний, чувств, которые мы не высказываем. В этом случае нет внешнего, видимого проявления мысли, но нервная деятельность существует, ее можно уловить, исследуя с помощью специальных приборов работу головного мозга. Правда, сегодня мы еще не в состоянии узнать содержание самой мысли. Однако, как показывают исследования, такая скрытая, невысказанная мысль имеет некоторые внешние проявления, но настолько слабые, что обычно мы их не замечаем.

Основоположник русской физиологии И.М. Сеченов еще столетие назад указывал на то, что любая мысль неразрывно связана с мышечным движением. При невысказанной мысли это движение остается скрытым, едва заметным. Регистрируя специальным прибором очень слабые движения руки, Сеченов доказал, что как только человек мысленно представит себе, что он чертит круг, рука его начинает производить круговые движения. Но и в этих случаях, когда никакого видимого проявления мысли нет, движение, сопровождающее ее, существует.

И.П. Павлов неоднократно подчеркивал значение этих фактов.

"Давно было замечено и научно доказано, - писал он, -что раз Вы думаете об определенном движении, Вы его невольно, этого не замечая, производите. То же - в известном фокусе с человеком, решающем неизвестную задачу: куда-нибудь пойти, что-нибудь сделать при помощи другого человека, который знает задачу, но не думает и не желает ему помогать. Однако для действительной помощи достаточно первому держать в своей руке руку второго. В таком случае второй невольно, не замечая этого, подталкивает первого в направлении к цели и удерживает от противоположного

направления."

Такие движения получили в науке название "идеомоторных актов" (от греческого слова "идея" - мысль и латинского -"мотор" - приводящий в движение). Мышцы совершают движение вследствие нервных импульсов, приходящих к ним из мозга по двигательным нервам. Передача этих импульсов всегда сопровождается возникновением биоэлектрических потенциалов.

С помощью электронных приборов эти потенциалы могут быть легко выявлены. Так, ученые зарегистрировали потенциалы в речевых мышцах человека, когда тот начинал решать задачи в уме, в мышце правой руки при воображаемых движениях, и и мышцах губ и правой руки при мысленном написании слов и т.д. Все это свидетельствует о том, что наши мысли вызываю! появление реакции мышц даже тогда, когда они остаются скрытыми, невысказанными. Но почему же мы, как правило, не видим таких реакций? В чем необычность опытов Мессинга? Почему эти опыты не может проделать каждый из нас? Дело и том, что мышечные реакции, сопровождающие мысль, очень слабо выражены. Чтобы улавливать их, необходимы чувствительные приборы или специальная длительная тренировка.

Способность к восприятию очень слабых воздействий может быть врожденной, но у каждого из нас она резко возрастаем после специальной тренировки. Дегустаторы отличают десятки тысяч оттенков запахов. Слепые обладают тонко развитым слухом и осязанием. Тренировка может дать поистине феноменальные результаты. Академик-физиолог И.С. Беритов проделал недавно опыты по исследованию способности слепых ощущать некоторые предметы на расстоянии. В этих опытах установлено, что люди лишенные органа зрения, могут чувствовать на расстоянии большие и плотные предметы - стены, деревянные щиты и др. Тонкую сетку и мягкие предметы они не ощущают и натыкаются на них.

Выяснилось, что слепые чувствуют предметы благодаря звуковому эхо, отражаемому предметом. Эхо обычно настолько слабое, что сами люди его не осознают и не могут объяснить причину своих ощущений предметов.

Природа с избытком наградила каждого из нас огромными возможностями и способностями, но многие из них не всегда развиваются и реализуются. Человек, использовавший эти удивительные возможности и выдающиеся способности и развивший их, может делать то, что делает Вольф Мессинг. Благодаря длительным и настойчивым упражнениям он развил свои природные способности, улавливая такие тонкие реакции другого человека, которые для многих остаются незаметными и

могут быть выявлены только с помощью специальных чувствительных приборов. Обладая замечательной памятью, он точно запоминает расположение сцены, зала, лестницы и т.д. и может двигаться с завязанными глазами так же свободно, как это делают слепые в знакомой обстановке.

Таким образом, опыты Мессинга - результат огромного, напряженного труда, отполировавшего до блеска то, что в той или иной степени вкладывает природа в каждого из нас. Нас покоряет тонкая, филигранная его работа, и мы забываем, что удивительная легкость, с которой он выполняет свои опыты, в действительности - результат длительной, упорной тренировки, огромной концентрации внимания и напряжения.

И этот огромный труд Мессинга покоряет. Мы не можем оставаться равнодушными, когда слышим игру Давида Ойстраха или Вана Клиберна. В этот момент мы, конечно, не думаем о колоссальном труде, вложенном в каждое их исполнение. Такова сила подлинного искусства и таланта."

Эта статья - квинтэссенция той убежденности, что я не телепат и что все объясняется обостренностью моих чувств. Я готов даже согласиться с этим, если только уважаемый мною профессор скажет, как он мне подал знак сложить цифры номера первого удостоверения и числа, обозначающего срок действия второго удостоверения? К этому могу прибавить, что Г. И. Косицкий, конечно, не первый, ставящий на мне опыты. Их ставили и официально, например в Институте психиатрии Академии медицинских наук СССР. И всегда, во всяком случае в своих отчетах, ученые старались обойти вопросы, которые не укладываются в гипотезу о чисто идеомоторном механизме моей работы.

Смею уверить профессора Косицкого в другом: все попытки не подавать мне сигналов были безрезультативными. Конечно. мне мешало то, что ученый думал не о том, какое задание я должен выполнять, а о том, чтобы не двигать рукой. Эти мысли и воспринимал я от индуктора. И поэтому, стремясь заставить его отвлечься и вернуться к заданию, попросил: "Не думайте о себе". Пожатий руки последнего я, видимо, вовсе не замечал. Я весь погружен в это время в стремление понять мысли собеседника.

Помешать в работе мне скорее может другое. Дело в том, что я не всех людей одинаково хорошо "слышу" телепатически -пусть простят мне этот глагол "слышать", абсолютно не передающий сущности явления. Суть в том, что чужое желание я ощущаю как бы собственным желанием. Ощущение появляется во мне ощущением же. Если мой индуктор представит, что он хочет пить, и я стану ощущать жажду. Если он представит себе, что гладит

пушистую кошку, и я почувствую у себя в руках нечто теплое и пушистое. Чужая мысль родится в моей голове словно собственная, и мне много стоило труда научиться отделять свои мысли от мыслей индуктора. Вот в чем разница слова "слышать" в обычном и в телепатическом понимании, как я его применяю здесь.

Итак, мысли и чувства не всех людей я одинаково хорошо "слышу". Одни "звучат" в мозгу моем громче, другие приглушенно, третьи - совсем шепотом, из которого долетают только отдельные слова. Но индукторов во время выступления не выбираешь. И если попадает индуктор с тихим "голосом" (все это термины в моем телепатическом понимании), а рядом "громко" думает другой человек, это может очень помешать в работе. Видевшие меня во время сеансов не раз замечали, что я бросаю реплики таким людям. Вот что записал научный журналист В. Сафонов (цитирую из его записей, с которыми автор меня любезно познакомил):

"...Это произошло осенью прошлого года в Москве, в Доме медработников, где Мессинг показывал свои способности собравшимся там врачам... Я оказался в составе жюри, и это позволило мне быть в курсе всех событий, происходивших на сцене и в публике. Предпоследним опытом Мессинга была мысленная диктовка задания без контакта за руку с индуктором. Для большей убедительности Мессинг был удален из зала под эскортом двух членов жюри. Надо было надежно запрятать какой-либо предмет, а Мессинг должен был найти его. После споров и нескольких "перезахоронок" предмет (авторучка) был спрятан на обшивке стенной панели. Вводят Мессинга. В притихшем зале Мессинг быстро находит девушку, спрятавшую авторучку. Выводит ее на сцену, ставит перед собой, пристально смотрит на нее, просит:

- Думайте! Дайте мысленный образ...

"А что, если попробовать сбить Мессинга", - приходит мне в голову озорная мысль. И тут же начинаю внушать ему следующее:

" Не слушайте девушку, ручка не там, где она думает, а на капители колонны, что слева от стены."

При этом я только бегло взглянул на профиль Мессинга (расстояние не более трех метров) и снова повторяю внушение: "Ручка на капители колонны..."

Воображение живо рисует толстый слой пыли, на котором лежит черная эбонитовая самописка с золоченым пером. Вдруг происходит то, чего я, откровенно говоря, не ждал. Мессинг посмотрел в мою сторону и с нескрываемым раздражением сказал (цитирую точно, записано сразу же):

- Не надо много приказаний... Туда очень высоко... Нужна большая лестница.

Я, разумеется, смутился и пробормотал что-то вроде извинения. После этого Мессинг забыл о моем присутствии и вновь сосредоточил свое внимание на девушке. Ручка была извлечена оттуда, куда ее поместили по желанию присутствующих."

Я специально процитировал эти записи для того, чтобы читатель, не бывавший на моих сеансах, представил себе, как иногда отражается подобный разноголосый хор чужих мыслей на моей работе. Право же, это не легче, чем в толпе одновременно говорящих во весь голос людей выделить один голос и слушать только его. А он-то зачастую и бывает особенно "тихим".

Еще раз: говорить неправду и преувеличивать у меня нет никаких причин. Чтобы "услышать" чужие мысли, мне нужна особая собранность чувств и сил. Но когда я достиг этого состояния, мне уже не представляет труда "слышать", "читать" телепатически мысли любого человека. И практически любые мысли. Контакт за руку с индуктором мне помогает выделить из общего шума чужих мыслей те, что нужны мне. Но я могу обходиться и без этого контакта.

Кстати, когда мне завязывают глаза, легче работать - я целиком перехожу на зрение индуктора. И легко, свободно двигаюсь я по залу с завязанными глазами не потому, что запомнил расположение ступеней и дверей, а потому, что я "вижу" в это время то, что видит индуктор. Лучшими индукторами бывают глухонемые. Вероятно, потому, что они очень четко, образно, а не в словах представляют себе задание, которое я должен выполнить.

При доброжелательном отношении зрителей работается легко. Так же, наверное, и у виртуоза-пианиста легче летают по клавишам пальцы, когда он чувствует немой восторг зала. И, наверное, у него свинцом бы налились руки, если бы он чувствовал враждебное ожидание: вот сейчас собьется... вот сейчас собьется... Но так же, как музыкант может собрать силы и не сбиться, так и я могу довести до конца опыт с самым скептичным индуктором.

Весь сеанс я должен быть абсолютно уверен в себе. Видимо, это общечеловеческая необходимость при всех сложных и рискованных работах. Так и канатоходец ни на мгновение не смеет подумать о том, что он может упасть. Вот и все, что я могу еще прибавить к ответу на этот вечный вопрос: как я узнаю чужие мысли.

А теперь приведу несколько примеров заданий, которые я

1П.ШОЛНЯЛ на сеансах своих "Психологических опытов". Они юхранились у меня от разных времен. Я отобрал несколько наиболее характерных.

1. Вынуть из правого бокового кармана моего костюма календарь за 1964 год:

а) открыть месяц - ноябрь;

б) вычеркнуть сегодняшнее число: 19.XI.64 г.

2. Вынуть из левого бокового кармана моего костюма черный пакет с фотографиями:

а) найти среди фотографий снимок юноши с фуражкой и шиожной щеткой в руках и фотоснимок девушки в черном платье;

б) остальные фотографии сложить в пакет, а пакет положить на прежнее место, т.е. в левый боковой карман моего пиджака;

в) по выбранным фотографиям найти юношу с девушкой в иле в 5 ряду и привести их на сцену.

3. Вынуть из левого бокового кармана белый пакет с игральными картами и разложить их следующим образом:

а) всех тузов в одной стопке вниз лицом;

б) в верхний ряд дам: бубновая, дама червей, для пиковой дамы оставить пустое место, затем дама треф;

в) в нижний ряд королей: бубновый, король червей, для короля пик оставить пустое место, затем король треф.

4. Взять за руку юношу и выполнить его мысленный приказ-пожелание, заключающееся в следующем:

а) вынуть из правого внутреннего нагрудного кармана моего (т.е. лица, написавшего эту задачу) костюма конверт и передать его членам жюри;

б) попросить членов жюри распечатать конверт и прочитать пункты задачи.

г. Иркутск, 19.X1.1964 г. Г.М.С.

Прошу Мессинга пройти к моей голубятне, взять у меня из правого кармана пиджака ключ от нее, открыть голубятню, взять белого голубя и принести на сцену клуба ... г. Ангарск, 21.V.1964 г. Г. Вилден

Убедительно прошу Вас узнать имя любимой мной девушки1 Узнать имя можно следующим образом:

1. На 6-м месте 11-го ряда сидит девушка. Взять у нее сумочку, открыть ее и среди прочих книжек взять географический "Атлас мира".

2. Взять также из сумочки сине-красный карандаш, отточенный с обеих сторон, и именно синим цветом отметить следующие города Советского Союза на стр. 4 и 5 указанного атласа:

а) Новосибирск,

б) Иркутск,

в) Николаев,

г) Алма-Ата.

Надо прочитать первые буквы этих названий. Они и составят имя девушки.

3. Между последней страницей и обложкой "Атласа мира" находятся поздравительные открытки "С Новым годом!"

4. Среди всех открыток на оборотной стороне именно зеленой открытки написать это имя, составленное из начальных букв найденных городов.

5. Вручить эту открытку девушке и от моего имени поздравить ее с наступающим Новым годом!

Инженер районного энергетического управления "Целинэнсрго" Марат Уразаков 11 декабря 1963 года.

Товарищ Мессинг, завяжите, пожалуйста, глаза. В пожарном гидранте, слева от сцены, находится солдатская шапка. В ней часы. Возьмите шапку с часами, подойдите к моему другу, стоящему у 3-го окна слева, отдайте ему шапку, а часы возьмите и отдайте солдату, сидящему в ряду, номер которого показывает маленькая стрелка, на месте, номер которого указывает большая стрелка.

Возьмите у него ключи в правом кармане гимнастерки и отдайте их девушке, сидящей в жюри около сержанта.

Попросите ее, чтобы она встала.

г. Кустанай, 5.XII. 1963 г. Рядовой Васильев Л.В.

1. Отвести на сцену зрителей: а) из ряда 14, место 16 и б) из ряда 15, место 2.

2. Из правого наружного кармана пиджака одного из них иынуть газеты, а из правого потайного - ножницы:

а) сложенную обычным образом газету разрезать пополам ножницами поперек;

б) взять стул от стола жюри и поставить его на край сцены спинкой к зрителям;

в) части газеты повесить на спинку стула.

3. У другого из выведенных зрителей взять из рук папку и расстегнуть замок-молнию; вынуть из папки радиоприемник "Спидола" и поставить на стол жюри.

4. Вынуть антенну и регулятор громкости (ручка слева) установить на максимум, вращая ручку справа, дождаться появления музыки.

г. Ленинград, 18.11.1964 г. Вальшонок А.М.

Отыскать юношу - ряд 2, место 1 - взять у него из внутреннего кармана конверт с буквами:

а) из букв сложить предложение: "Если ты потерял веру, ты

потерял все";

б) отыскать девушку - ряд 5, место 2 - взять у нее журнал. В журнале лежит изображение шахматной доски;

в) у юноши в левом кармане взять красный карандаш и на шахматной доске провести линию так, чтобы она прошла только по белым клеткам, начиналась в верхнем левом углу, а кончалась в правом нижнем. Не пропускать ни одной клетки.

г. Новосибирск, 18.IV.1964 г. Г. Попов

Это - не самые сложные и не самые простые из заданий, которые мне давали. Среди десятков и сотен тысяч людей, перебывавших на моих сеансах "Психологических опытов", конечно, были и люди более остроумные, чем авторы этих заданий, и менее остроумные.

Но все задания я всегда выполняю полно и точно.

Мне не хочется останавливаться на всех тех аргументах, которые приводят беспристрастные исследователи для доказательства существования телепатической связи. Среди них и внезапные предчувствия или даже четкие представления о смерти близких людей, находящихся за тысячи километров, и одновременное возникновение одних и тех же идей у близких людей, и "ощущение взгляда", когда кто-нибудь упорно смотрит вам в спину. Обо всем этом написано немало книг, в которых приведены многочисленные факты.

Мне не хочется здесь повторять содержащийся в этих книгах материал. Но я не могу не остановиться еще на одном вопросе. Я не могу обойти молчанием многочисленные попытки ученых исследовать явления телепатии объективными, чисто научными методами.

В 1882 году в Лондоне было основано "Общество для изучения загадочных явлений психики". Члены этого общества, среди которых были видные ученые, занимались сбором. тщательной проверкой и анализом, в том числе и телепатических явлений. Кстати, греческий термин "телепатия" - "чувствование на расстоянии" - впервые начал широко применяться именно в недрах этого общества. Его члены осуществили и первые эксперименты телепатических передач. О размахе и глубине проведенной этим обществом работы свидетельствует объемистая книга Чернея, Майерса и Подмора "Прижизненные призраки и другие телепатические явления", изданная в 1886 году в Англии и переведенная на русский язык в 1893 году. В этой книге приведено около 700 случаев телепатии, подтвержденных документально.

В СССР большая картотека имеется у ленинградского профессора, члена-корреспондента Академии медицинских наук

СССР Л.Л. Васильева. Если бы требовалось убедиться в существовании телепатических явлений, было бы достаточно проанализировать научными методами только эти зафиксированные и проверенные случаи. Но противники телепатии предпочитают игнорировать их.

Ученые - противники телепатии, не утруждая себя изучением этих фактов, требуют обязательно новых опытов, причем таких, какие могли бы быть воспроизведены в любой лаборатории и в любое время. Но ведь в лаборатории могут быть воспроизведены только те явления, которые изучены настолько, что известны все условия, при которых они возникают. К сожалению, такой изученности телепатии еще нет. Но такой изученности нет и в других сферах научных наблюдений, к примеру, при исследовании шаровой молнии. Ее тоже ученые еще не могут воспроизвести в лаборатории. В существовании этого явления природы убеждает научный анализ свидетельств очевидцев, наблюдавших его. Вот точно такой же анализ многочисленных показаний полностью убеждает и в существовании телепатии.

Но в багаже телепатии есть не только бесчисленные научно достоверные факты наблюдений телепатических явлений, так сказать, "в природе". Есть там и не менее научно достоверные опыты, поставленные учеными, которых нет оснований считать мистификаторами.

Еще в 1902 году приват-доцент Я.Н. Жук в г. Киеве ставил опыты передач зрительных ощущений. Индуктором в этих опытах был он сам. Он брал заранее заготовленный сравнительно простой рисунок - лодку, бутылку, корзину, лестницу и т.д. и внимательно всматривался в него. Отгадчик, не видящий этого рисунка, стремился воспроизвести то изображение, которое приходило индуктору на ум. В ряде случаев совпадение оказывалось поразительным.

Жук не ограничился констатацией явления. Он начал изучать ошибки и искажения, происходящие при телепатической передаче изображений, стремился установить их причины. Это был уже строго научный подход к проблеме.

Передачу изображения телепатическим способом изучали и многие другие ученые. Наиболее интересные опыты были проведены в 1928 году Афинским обществом психических исследований. Передача изображений - геометрических фигур. букв, рисунков - осуществлялась на большие расстояния:

Афины - Париж (1201 км), Варшава - Афины (1597 км), Вена - **Афины (1284** км). Опыты эти также, с моей точки зрения, были чрезвычайно удачными. О результатах их было доложено доктором Константинадасом на четвертом Международном

конгрессе психических исследований в Афинах. Передача образов, изображений - наиболее легкая для телепата задача. И я легче всего воспринимаю образ, рисунок, чем, например, слово, мысль.

Не могу не обратить внимание читателя на ряд чрезвычайно интересных опытов телепатического внушения животным, проведенных в зоопсихологической лаборатории знаменитого дрессировщика В.Л. Дурова, осуществлявшихся с середины 1920 года и до смерти Владимира Леонидовича. Количество проведенных им опытов превысило 10.000. В этих опытах принимали участие профессора Г.А. Кожевников, Б.Б. Кажинский, А.В. Леонтович, А.Л. Чижевский, академик В.М. Бехтерев. С моей точки зрения, эта серия опытов является неоспоримым свидетельством существования телепатии. Я расскажу только об одном из проведенных учеными опытов.

В.Л. Дуров и академик В.М. Бехтерев находятся в одном помещении, а собака по кличке Марс в другом, отделенном двумя промежуточными комнатами. Все двери плотно закрыты. Наблюдающий за поведением Марса профессор А.В. Леонтович не знает задания, которое мысленно должен передать собаке В.Л. Дуров. Не знает его и знаменитый дрессировщик. Только академик Бехтерев до начала опыта знает о нем.

Начинается опыт. Бехтерев передает Дурову листок бумаги с заданием: Марс должен пролаять 14 раз. Дуров в недоумении: ему не приходилось давать собаке таких заданий, она вообще "умеет считать" только до семи. Тогда он решает разделить задание на два, пишет на бумажке "7+7" и приступает к внушению. Сложив руки на груди, он сосредотачивается .

Через несколько минут он садится ма стул. Появляйся Леонтович и сообщает: Марс пролаял семь раз и улегся на полу. Затем вскочил, пролаял еще семь раз и снова - улегся. Дуров осуществлял и другие мысленные внушения животным. Глядя в глаза животному, он думал о каком-либо действии, и собака выполняла его. Результаты, как правило, были великолепными. Чтобы устранить всякие сомнения, аналогичные опыты в отсутствии Дурова с его собаками осуществлял и академик Бехтерев.

Мне не известны другие, поставленные столь же тщательно с научной точки зрения опыты телепатического внушения животным. Кажется, к сожалению, их никто не только не продолжал в последующие годы, но и не пытался повторить.

Интересные опыты провел в 1925 году в Москве врач-невропатолог Т.В. Гурштейн. В этих опытах принимали участие сотрудники Гурштсйна и академик В.С. Кулебакин. Внушение

осуществлялось на расстоянии в 55 километров. Передавались геометрические фигуры, задания двинуть рукой, ногой. Был передан и приказ сказать фразу: "Мне приятно здесь сидеть". Она была принята испытуемой Е.Г. Никольской несколько в сокращенном виде: в протокол записаны ее слова -"Мне приятно сидеть". В этих опытах применялась экранирующая радиоизлучения металлическая камера.

В конце 20-х - начале 30-х годов исследователи телепатических явлений приняли на вооружение методы математической статистики. И точные математические методы раз за разом свидетельствовали, что телепатическая передача мысли существует, что, по теории вероятности, не может быть такого процента совпадений, которыми пытались объяснить удачи телепатических опытов противники.

Нет, я не противник вторжений в область телепатии математических методов. Но мне кажется, что в целом ряде случаев математическая обработка опытных данных не прибавляет ничего к общему итогу. Так, один из основоположников применения математической статистики в телепатии - английский ученый С. Соул в середине 50-х годов с двумя братьями-телепатами провел 15.000 отдельных проб и получил следующие результаты: в среднем из 25 карт 9 карт были угаданы телепатом точно, хотя по теории вероятности число угаданных карт не должно было превосходить 5. Это был вроде бы хороший, но отнюдь не блистательный результат. Между тем, в минуты "настроя", в минуты вдохновения братья "угадывали" 25 карт из 25! И такой результат в ходе опытов был получен не однажды. Меня этот факт убеждает в телепатических способностях братьев значительно сильнее, чем абстрактные цифры, полученные при опытах, когда братья были не в настроении, когда им не хотелось работать и т. д.

Кстати, одновременно с западноевропейскими учеными и независимо от них математические методы исследования явлений телепатии применил и крупный советский физик академик В.Ф. Миткевич. Насколько мне известно, он первым построил и механическое устройство, исключающее при постановке опыта инициативу индуктора в постановке задачи. Сконструированная им "рулетка" выбрасывало то или иное задание - белый или черный цвет - без вмешательства человека.

В 30-х годах интереснейшие опыты осуществил уже упоминавшийся мной ленинградский ученый профессор Л.Л. Васильев. Это были опыты внушения на дальние расстояния - вплоть до сотен и тысяч километров, разделяющих Ленинград и Севастополь. Это были и опыты внушения из металлической

камеры со стенками, непрозрачными для большей части лучей электромагнитного спектра. Опыты дали чрезвычайно интересные результаты. В частности, Л.Л. Васильев пришел к выводу, что никакая изоляция, никакие препятствия и, пожалуй, никакие земные расстояния не могут помешать телепатической связи.

В 1940 году были опубликованы опыты профессора С.Я. Турыгина, проводившиеся в лаборатории биофизики Академии наук СССР, руководимой академиком П.П. Лазаревым. Турыгин пытался изучить законы отражения "телепатических волн", которые он отождествлял с волнами электромагнитного спектра.

Значительно более широкими стали исследования телепатических явлений в последние двадцать лет. В ряде стран работают специальные лаборатории и институты.

Нет никакой необходимости еще и еще раз искать доказательства существования телепатии: таких доказательств накоплено даже слишком много. Пора отказаться и от бесконечных опытов с карточками, передачей рисунков - они уже ничего не прибавят к известному. Надо считать твердо установленными и некоторые свойства телепатии - хотя бы те, что подтверждены в тех самых сериях опытов, о которых я упоминал. Не надо каждому исследователю и каждой группе ученых проходить уже пройденные ступени с самого начала. Надо отталкиваться от уже сделанного и пытаться проникнуть в какие-то более глубокие тайны явления телепатии.

Хочу добавить к этому еще несколько слов. Я - телепат и, конечно же, мне хочется, чтобы быстрее и глубже была познана сущность этого явления. Я готов всеми силами своими способствовать его изучению, но только изучению, а не установлению существования телепатии.

Мне доводилось присутствовать при спорах о том, что такое телепатия: атавизм, сохранившийся от наших сверхдалеких предков, или, наоборот, свойство, которым в полной мере будут обладать люди будущего или те существа, которые придут нам на смену? Сторонники первой точки зрения приводили массу доказательств, суть которых состояла в том, что чем примитивнее устроен организм, тем нужнее ему телепатия. За счет телепатии эти люди объясняли, например, тот широкоизвестный факт, что некоторые виды бабочек узнают о нахождении родственной особи на расстоянии до километра. На счет телепатии они записывают и другой общеизвестный факт: одновременность взмахов крыльев стайки нескольких бабочек, сидящих рядом. Телепатией объясняли удивительную одновременность и единодушность действия рыбьих косяков, птичьих стай. И так далее. Но чем выше развит организм, говорят эти люди, тем меньше нужды ему в

телепатии. Лев может находить другого льва по его рыку. Волк - по запаху. Тигрица заранее предупреждает тигрят о своем приходе тихим мурлыканьем. Обезьяны имеют развитую систему звуков для сообщения друг другу своих эмоций, предупреждений об опасности и т.п. Такую же систему звуков, как выяснилось в последнее время, имеют вороны и, вероятно, другие животные и птицы, живущие стадами или стаями. Не очень нужна телепатия человеку, имеющему множество способов обмена информацией. И поэтому она почти исчезла из обихода людей, оставшись слабым рудиментом, и лишь иногда неожиданно воскресает в полную меру у отдельных индивидуумов. Это атавистическое свойство, присущее редким людям от рождения. Так же, как у некоторых людей от рождения есть хвост или они от рождения покрыты волосами. Сторонником этой точки зрения в настоящее время является, например, кандидат медицинских наук В.А. Козак. Вот что пишет он по этому вопросу:

"У людей биологическая связь типа телепатической может выплывать из-под спуда эволюционных наслоений высших этажей головного мозга преимущественно в случаях, связанных с бедственным положением и вообще тяжелыми переживаниями, когда отдельные функции, находящиеся в нижних отделах головного мозга, могут выходить из-под контроля соответствующих отделов коры головного мозга...

Характерно, что до сих пор ни в одном опыте не было передано сколько-нибудь определенной фразы. Это также косвенно свидетельствует о том, что феномен биосвязи мы получили "по наследству" от животных, которым чуждо понятие о логически связанных словах, тем более фразах, а также представления о подробной сущности предмета. По-видимому, неслучайно биологическое воздействие на расстоянии воспринимается нами чаще всего как неопределенное чувство беспокойства о близком человеке или предчувствие какого-то события. Вероятно, информация идет преимущественно на уровне первой сигнальной системы или таких ощущений, как страх, чувство опасности и т.п. Вполне естественно поэтому, что наибольшего развития способность передачи информации достигла в первую очередь у насекомых и других низших представителей животного мира.

В настоящее время такая форма биологической связи, по всей вероятности, анахронизм..."

Другие утверждают: нет! Все примеры, которые вы приводите, можно объяснить и другими способами. Бабочки находят друг друга по запаху - и ничего более. Стаи рыб воспринимают команду вожака по движению струй воды и, повторяя ее,

передают дальше. Телепатия - это свойство, которое только рождается. Оно придет на смену другим способам передачи информации. Телепатия исключает возможность обмана, нечеткости, поэтому она станет основным средством общения в обществе будущего, когда у людей не будет и тени мысли обмануть другого. Люди, обладающие повышенными способностями к телепатии, принадлежат будущему. Это - первые вестники грядущего в наших днях...

Не берусь спорить, кто здесь прав. Бабочками ведь тоже еще не занимались как следует ни физики, ни телепаты. Бионика как наука только начинает обретать права гражданства. Я хочу сказать о другом. О том, что телепатические свойства в той или иной мере свойственны каждому. Чаще всего они действительно проявляются в детстве. Говорят, мать чувствует все, что испытывает ее новорожденный ребенок. И опять - только говорят. Я никогда не слышал и не читал научного ответа о хотя бы таком простейшем опыте, который легко провести за пару недель в любом родильном доме. Надо одному человеку находиться в помещении с новорожденными и по часам засекать, когда и кто из них начал плакать, проснулся и т.д. А другому - в палате рожениц фиксировать поведение матерей. Итоги этого опыта уже могли бы прояснить многое.

Честно говоря, меня и не очень интересует - атавизм ли телепатия или свойство человека завтрашнего дня. Меня волнует другое: ведь каждый, буквально каждый человек, порывшись добросовестно в своей памяти, может припомнить те или иные случаи, дающие повод сделать предположение о существовании телепатии. Почему серьезно не изучается это явление? Почему же еще встречаются ученые, не знающие даже о существовании этого явления?

Меня очень удивляет, как могут эти люди, считающие себя учеными (я говорю, конечно, далеко не о всех ученых!), не видеть и не желать видеть буквально каждодневных проявлений телепатии в самой обыденной жизни? Не так ли в средневековье ученые, слепо следовавшие доктрине Аристотеля, не поверили бы в существование электричества, хотя об этом каждодневно свидетельствовали молнии?!

Глава VI. ЧТО Я МОГУ ЕЩЕ? ГИПНОЗ

Я говорил о телепатии. Теперь мне хочется поговорить о другом круге моих способностей, связанных с гипнозом. То, как я владею искусством гипноза, значительно выходит за рамки общеизвестного и, значит, я не имею права не говорить об этом.

Мне не хочется да и не следует в этой книжке останавливаться подробно на истории гипноза.

Современная наука различает три стадии гипноза. Первая из них - сонливость. Человек, находящийся в этой стадии, испытывает потребность покоя, необычайную тяжесть тела, ему трудно открыть глаза. Именно в этом состоянии прослушивают длинные церковные службы большинство верующих.

Когда я видел в соборах людей, часами в неудобной позе стоящих на камнях, распростертых на ступенях, прижимавшихся лбом к подножиям распятий, я не мог отделаться от мысли, что эти люди находятся во второй стадии гипноза - в состоянии так называемой гипотаксии.

При гипотаксии отмечается состояние восковой гибкости тела. Любому его члену и всему телу можно придать сложное положение, которое крайне трудно было бы сохранять в нормальном состоянии, но которое совершенно необременительно, практически незаметно в состоянии гипотаксии.

Третья стадия гипноза - сомнамбулизм. В этом состоянии загипнотизированный полностью отрешен от всех внешних раздражений, кроме команды человека, приведшего его в это состояние.

В состоянии гипноза огромную власть над психикой человека и над его телом приобретает слово гипнотизера. Власть, совершенно объективную, такую, какой не имеет в большинстве случаев над своим телом сам испытуемый человек. Заставьте себя, скажем, не чувствовать ожога, когда к Вашей руке прислонят огонек зажженной папиросы! А мне приходилось видеть этот бесчеловечный опыт, нередко демонстрировавшийся в цирках в свое время в Польше. Или, наоборот, попробуйте внушить себе, что обыкновенный карандаш - это раскаленный в огне прут, которым жгут ваше тело. А на руке загипнотизированного человека, когда к ней прикасаются таким карандашом, возникает язва от ожога.

В загипнотизированном состоянии у многих людей

обостряются их телепатические способности. Внушение от гипнотизера к загипнотизированному человеку может передаваться прямо из мозга в мозг. Такие опыты делались неоднократно многими гипнотизерами в разные времена и в разных странах. Собственно с открытия этого явления и началась телепатия.

А теперь - о том, как я сам применял гипноз, какими формами гипноза, внушения владею я.

В автобиографических главах я приводил несколько примеров, когда мне требовалось мгновенно внушить ту или иную мысль, то или иное ощущение. С этого ведь, по существу, и проявились впервые мои способности. Вспомните описанный мной в самом начале книги случай в берлинском экспрессе, в котором я ехал без билета. То, что произошло там, не было телепатией. Это было гипнозом, внушением: я внушил контролеру, что поданный ему обрывок газеты - проездной билет. Вспомните, как я прошел без пропуска в строго охранявшийся кабинет.

Нечто подобное позволил я себе и еще раз. Примерно в те же времена довелось мне беседовать с одним очень высокопоставленным человеком. После разговора он, в шутку, видимо, сказал:

- Ну, товарищ Мессинг, сможете ли Вы выйти отсюда, если я не подпишу Вам пропуск?

Дух озорства заиграл в моей душе:

- Без этой-то бумажки? Возьмите ее на память!

- Нет, подождите. Вас не смутит, если я еще дополнительно предупрежу охрану.

- Сколько угодно!

Набран телефон коменданта. Отдана команда: "Не выпускать Мессинга без отмеченного пропуска". Да еще секретарше поручено идти за мной в десяти шагах, но, правда, не вмешиваться в мои действия.

Когда я через пару минут вышел на улицу и посмотрел на окно кабинета на третьем этаже, в котором только что состоялся этот разговор, я увидел в нем фигуру моего недавнего собеседника. Дух озорства еще не уснул, и я помахал ему рукой. Мне показалось, что тот рассмеялся.

Думаю, что эти примеры должны, по меньшей мере, подвергнуть сомнению бытующее нередко мнение, что даже под влиянием гипноза порядочный человек не способен совершить поступок, противный его моральным убеждениям, его совести, не способен совершить преступление.

Помню, где-то я читал, как ставились эти опыты:

загипнотизированному дали в руки пистолет (заряженный, конечно, холостым патроном) и скомандовали выстрелить в прохожего. И тот не смог. Но ведь можно заставить загипнотизированного представить, что он стреляет не в прохожего, а в движущуюся мишень в парковом тире.

К сожалению, не все люди, обладающие искусством гипноза, отличаются твердыми моральными принципами. Я позволю себе рассказать случай, который в свое время наделал много шума в одной из европейских стран. Это - один из нередких случаев ограбления банка.

Помещение, где хранились сейфы, располагалось под землей. Единственный ход в него вел через караульное помещение. У этого входа круглосуточно стоял часовой.

Остальные бойцы охраны здесь же играли в карты, домино, просто отдыхали.

Однажды вечером, как всегда после закрытия банка, сейфы были опечатаны и кассиры разошлись по домам. Единственный человек, который после этого вошел в помещение с сейфами, был старичок-полотер. Сначала он натер полы в караульном помещении, потом в помещении, где стояли сейфы. Выйдя оттуда, он, как всегда, посидел на своем ящике с мастикой, выкурил папиросу и ушел. А на другое утро один из сейфов оказался вскрытым. На старика-полотера даже не подумали. И только в связи с тем, что он хотел нелегально перейти границу, его арестовали.

Но нет, грабителем он не был. Просто к нему за два дня до ограбления пришел какой-то немолодой человек и предложил ему крупную сумму денег, если он уедет из страны, никому об этом не сказав. Полотер согласился.

И вот в течение двух вечеров подряд этот немолодой человек, в первый день, вероятно, только выясняя обстановку, посещает банк, находится в кругу солдат, проходит мимо многочисленных часовых. И все принимают его за человека, к которому давно привыкли, хотя потом выяснилось, что он совершенно не был похож на старика-полотера. Можно ли объяснить этот случай?

Я отношу это за счет того же умения мгновенного гипноза, о котором только что рассказывал. Как видите, непорядочный человек, -преступник смог использовать гипноз в своих гнусных целях. И опять же я убежден, что он не смог бы внушить часовому мысль пропустить к сейфам чужого человека,-это внушение вошло бы в конфликт с долгом. И не удалось бы. А внушение, что часовой видит перед собой известного ему человека, не встретило этого противодействия и удалось грабителю, видимо, без большого труда и напряжения.

Теперь немного о народной медицине.

Наверное, и Вам приходилось читать или слышать, как знахари "заговаривают кровь". Вот льется она из глубокой раны, прямой пульсирующей струйкой бьет. Явно перерезана какая-нибудь крупная артерия. Над ранкой склоняется знахарь. Шепчет какие-то непонятные слова. Ранка - вытрите ее - суха. Кровь останавливается.

Наверное, Вам приходилось слышать и такое выражение -"заговаривает зубы". Чаще, впрочем, говорят "не заговаривай мне зубы". Пошло это выражение из польских и белорусских, да, наверное, и из российских деревень, где в старые времена и в помине не было зубных врачей. Но зубы - убежден в этом -у людей болели всегда. Как же их там лечили?

Заговорами. Та же знахарка, тот же знахарь приходили к больному, шептали какие-то слова, делали какие-то телодвижения и зубы болеть переставали. Точнее, человек переставал ощущать эту боль. И то, и другое - и "кровь заговорить", и "зубы заговорить" - занимает всего несколько секунд.

Удивительно? - Да. Но ничего чудесного, во всяком случае здесь, нет. Нет никакого вмешательства "потусторонних сил" - ни злых, ни добрых. Это - тоже одна из форм гипноза. Я говорю об этом с такой убежденностью и знанием дела потому, что я и сам умею "заговаривать" зубы и изгонять головную боль не хуже самых знаменитых знахарей. Я делал это тысячи раз. И, как принято говорить, всегда без осечки.

Конечно, я обхожусь без заклинаний и нашептываний. Они не нужны. Я просто смотрю на моего пациента и представляю при этом свою абсолютно не беспокоющую меня челюсть, свой абсолютно здоровый зуб. И разговариваю при этом с пациентом о его болезни. И зуб у него перестает болеть. Занимает это столько же времени, сколько Вы затратили, чтобы прочитать этот абзац. Аналогичным способом я прекращаю головную боль.

Вероятно, аналогичным же способом излечивают и среднеазиатские табибы и знахарки укушенных змеей. Я говорю "вероятно", потому что лично с такими случаями не сталкивался.

Нередко рассуждают так: ну, чему могут научить нас эти темные люди, не знающие не только теории относительности, но и таблицы умножения?.. А знание и умение - это вещи абсолютно разные. Для умения нередко вовсе не обязательно знание. Когда-то путешественники и моряки пользовались компасом, и не подозревая, что земля круглая и что у нее есть постоянное магнитное поле. Кстати, мы и сегодня пользуемся компасом, хотя ученые не очень-то представляют, каково происхождение

магнитного поля нашей планеты. Кузнецы умели закалять сталь, ничего не зная о ее кристаллических превращениях. Так вот, чтобы не пропал секрет "компаса и стали" деревенских знахарей и колдунов, и надо соединить их умение с современным знанием.

Ну, а какое же все это отношение имеет ко мне? Да самое прямое! Я тоже умею внушить свою волю человеку, скажем, глядя ему в затылок. Или вовсе на него не глядя. Очень редко я пользуюсь этим. Но, листая страницы памяти, чтобы привести пример из своей жизни, вспоминаю...

Вспоминаю небольшой, но уютный зал в одном из министерств Москвы.

Все идет хорошо. Зрители добросовестно и дружелюоно пытаются разобраться в том, что я им показываю. Я не менее дружелюбно пытаюсь помочь им в этом...

И вдруг, в конце зала появляется почти шарообразная фигура самого большого здесь начальника. Все встают, приветствуя. А начальник, не отвечая на приветствия, кривит рот и скептически смотрит на меня.

- Ах, так, - мысленно говорю я, - не верите? Ну, так я заставлю Вас поверить - будете балериной, - а вслух добавляю:

- Вот Вы и будете моим индуктором.

И толстый начальник, по моему мысленному приказанию, вдруг нелепо начинает прыгать между рядами стульев, мимо своих опешивших подчиненных ко мне на сцену.

Будет неправильно, если я умолчу в этой книге о том, что нередко использовал гипноз для лечения психических болезней. Делал я это и в те далекие времена, когда абсолютно не знал ничего о сущности гипноза, не знал научных рекомендаций, руководствуясь лишь здравым смыслом. Возможно, что рассказанное мной встретит возражения специалистов, возможно, меня упрекнут в неправильных действиях, но что было, то было.

У одного польского графа началось очень странное заболевшие. Ему представилось, что в голове свили себе гнездо... голуби... сизари...

Обращались к врачам. Но у графа был трудный характер и лечиться он отказался: ему казалось, что его любыми средствами стремятся заманить на операцию, во время которой разрежут голову пополам. Тогда обратились ко мне.

Я не стал убеждать больного, обращаясь к его здравому смыслу, что в голове голуби жить не могут. Наоборот, я принес с собой на первую же встречу длинную блестящую трубу на треноге - вроде переносного телескопа - с какими-то колесиками и винтиками. Установил ее и посмотрел сквозь эту трубу на голову больного.

- Да, граф, - сказал я, - Вы правы. У Вас в голове -голубиное гнездо. И преогромное. Целая голубятня!

- А разве я сомневаюсь в этом? И день и ночь крыльями хлопают. А тут как-то к ним кошка забралась! Вот переполох был. Я думал, у меня голова лопнет.

- Могу выгнать Ваших ненормальных жильцов, и притом так, что они не вернутся.

-Буду весьма обязан.

Еще раз посмотрев в трубу, "пересчитав голубей"'. "прикинув", как лучше их выгнать, я вернулся домой.

На другой день граф прислал за мной с раннего утра.

- Вывелись птенцы - голубята! - объявил он почти радостно.

Снова пошла в ход труба - кстати, в ней не было даже оптического стеклышка. Выведение птенцов было подтверждено.

На другой день была назначена решительная "чистка" графской головы -голубятни...

Заранее договорившись с родственниками графа, я провел в сад трех моих помощников с живыми голубями в руках. Завязав больному глаза, свел и его вниз. По моему знаку один из помощников выпустил голубя - я выстрелил перед лицом больного из пистолета. Затем, достав из кармана заранее подстреленного голубя, сунул ему в руку.

- Один готов, - сказал я. - Если бы я его не застрелил в воздухе, он мог бы вернуться. А теперь - шалишь! Все кончено!

Так повторялось еще два раза. Затем "выскочили" просто от страха перед выстрелами и новорожденные голуби. Потом я позволил больному снять с лица повязку и открыть глаза. Он собственноручно в моем присутствии закопал трупики бедных птичек под гигантским развесистым дубом в своем парке.

Голова у него оставалась чистой в течение нескольких лет, пока суть происходившего не раскрыл ему один близкий знакомый, полагая, что граф излечился навсегда. Узнав истину, тот с криком схватился за голову. Голуби с тех пор "жили" в ней до самой смерти. Думаю, средств вторично излечить его уже не было.

Что это? Шарлатанство? Нет, гипноз. Внушение. Просто я опустился до умственных способностей моего больного и средствами, доступными его пониманию, уничтожил его болезнь. Точнее, внушил ему, что он не болен. Человек поверил мне и мог бы оставаться здоровым до самой смерти.

Гипнозом же внушаю я отвращение к алкоголю, к папиросам и вообще к табачному дыму, к другим наркотикам.

Когда я внушал своим больным отвращение к алкоголю, я сам - месяцами! - не мог выносить даже слабых запахов спиртных

напитков. Это отвращение к ним сначала охватывало всего меня. И уже после этого мог я его передать моим подопечным.

Когда назначенный мной период лечения кончается, я теряю отвращение к вину. Но излеченный мной человек его сохраняет на долгие годы. А там - все зависит от него самого.

Я много курю. Но когда идут сеансы внушения отвращения к табаку, бросаю курить и без судорог в теле не могу переносить самого слабого запаха папиросного дыма. Снова я закуриваю, только закончив цикл внушений.

Глава У. ЧТО Я МОГУ ЕЩЕ? НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ПОЗНАНИЕ

Это самая трудная для меня глава. Все, о чем я писал раньше, могу объяснить, пусть не в деталях, но достаточно четко. И если иной раз моя точка зрения не совпадала с точкой зрения того или иного ученого, это не меняло сути дела: то ли, иное ли объяснение механизма моего искусства будет в конце концов принято наукой в качестве объективной истины, мне не очень важно. Важно для меня другое: убежденность, что этот материальный механизм будет найден.

А сейчас я должен перейти к группе явлений, четкое объяснение которым я сегодня предложить бессилен. Мало того, я не могу дать и нечеткого и сколь-либо сносного гипотетического их объяснения. Но не могу обойти их совсем, ибо это факты, а о них принято говорить, что это вещь упрямая. И еще я позволю себе последовать совету великого русского ученого Дмитрия Менделеева, сказавшего как-то относительно явлений, не укладывающихся в общепринятые рамки: "Их не д**о**лжно игнорировать, а следует точно рассматривать, т.е. указать, что в них принадлежит к области всем известных естественных явлений, что к вымыслу и к галлюцинации, что к числу постыдных обманов, и, наконец, не принадлежит ли что-либо к разделу ныне необъяснимых явлений, совершающихся по неизвестным еще законам природы."

Речь пойдет об удивительном для меня самого умении. Начну с фактов.

Однажды, ешс в тридцатые годы, в Польше пришла ко мне на прием молодая женщина. Пришла, как к человеку, умеющему читать мысли, узнавать то, что скрыто от других. Она достала фотографию мужчины, несколько моложе ее по возрасту, имеющего явное родственное сходство с ней.

- Мой брат, - объяснила она. - Два года назад он уехал в Америку. За счастьем. И с тех пор - ни единого слова. Жив ли он? Можете ли Вы узнать?!

Я смотрю на карточку брата бедной женщины... Вот он, один из десятков и сотен тысяч несчастных, съеденных машиностроительным заводом Детройта или скотобойней Чикаго... И вдруг вижу его, словно сошедшего с карточки. Чуть вроде бы помолодевшего. В хорошем костюме. И говорю:

- Не волнуйтесь, пани. Ваш брат жив. У него были трудные дни, сейчас стало легче. Вы получите от него письмо на

тринадцатый день, считая сегодняшний.

- Это будет первая весточка от него за два года.

- Потом он будет Вам писать чаще.

Женщина ушла от меня и, как водится, рассказала обо всем соседям. Пошла молва. Дошла до газетчиков. Начался спор в печати: ошибся Месснг или нет? В общем, на тринадцатый предсказанный мной день в этом местечке собрались корреспонденты чуть не всех польских газет. Письмо из далекой Филадельфии пришло с вечерним поездом.

Об этом факте много писали польские газеты. И до того, как он свершился, - в течение роковых "тринадцати дней" - и после. Это была одна из "сенсаций".

Второй случай произошел несколько лет назад. Я показывал свои "Психологические опыты" в редакции одной газеты. После сеанса меня пригласили в кабинет главного редактора. Присутствовало человек 10 журналистов.

Разговор зашел о возможностях телепатин. Кто-то выразил сомнение в моих возможностях. Слегка возбужденный после только что окончившегося сеанса, еще не вошедший в "нормальное состояние", да еще подзадоренный разговором, я сказал:

- Хорошо! Я вам дам возможность убедиться в силе телепатии. Вы все журналисты. Возьмите свои блокноты.

Одни с интересом, другие со скептической улыбкой, но блокноты вытащили все. Те, у кого блокнотов не оказалось, взяли чистые листы бумаги со стола главного редактора. Вооружились вечными перьями...

- Теперь пишите, - скомандовал я весело, - сегодня -пятое июня... Между двадцатым и двадцать пятым июня... Простите, как Ваша фамилия? - обратился я к одному из присутствующих.

- Иванов Иван Иванович, - с готовностью ответил он.

- Так вот, между двадцатым и двадцать пятым июня Вы, Иванов, получите очень крупное повышение по служебной линии. Новое назначение. У меня просьба ко всем: когда это случится, позвоните мне. Все записали? Ну, вот, через несколько недель - и выясните, прав я был или нет.

Двадцать второго числа мне позвонили в разное время четыре человека. Иванова назначили главным редактором одной из крупнейших газет.

Свидетели этого случая все живы и, я думаю, все помнят этот день - пятого июня. Только фамилию Иванова не ищите в списках главных редакторов: я не знаю, будет ли ему приятно широкое обнародование этого случая, и поэтому не назвал ни редакции газеты, ни его настоящей фамилии.

Не надо спрашивать, как мне это удалось. Скажу честно и откровенно: не знаю сам. Точно так же, как не знаю механизма телепатии. Могу сказать вот что: обычно, когда мне задают конкретный вопрос о судьбе того или иного человека, о том, случится или нет то или иное событие, я должен упрямо думать, спрашивать себя: случится или не случится? И через некоторое время возникает убежденность: да, случится, или не случится. Вероятно многие невольно подумают: Месснг вступает в противоречие с материалистическим пониманием мира. Но посмеем высказать несколько соображений.

Во-первых, как материалист, я не могу даже на йоту предположить, что в этой моей способности есть хоть крупица чего-то непознаваемого, чего-то сверхъестественного.

Во-вторых, я убежден, что это свойство со временем найдет свое материалистическое объяснение. Кстати, два приведенных мною случая могут быть объяснены особым проявлением телепатических способностей. Возможно, как раз в тот миг, когда я смотрел на карточку брата женщины, пришедшей ко мне, он писал своей сестре письмо и высчитывал, что только через тринадцать дней она его получит. Эту мысль и "принял" тогда мой мозг. Точно так же где-то в высших инстанциях в те часы, когда я сидел в редакции газеты, решался вопрос о назначении Иванова. А я "услышал" об этом и сообщил журналистам. Но в эту гипотезу не ложатся, вижу сам, многие другие факты.

Лучше всего я чувствую судьбу человека, которого встречаю первый раз в жизни. Или даже не вижу его совсем, только держу какой-либо принадлежащий ему предмет, а рядом думает о нем его родственник или близкий человек.

Рассказанный мною эпизод о польском эмигранте относится именно к числу таких случаев: я держал в руке его карточку, а рядом сидела и думала его сестра.

Перебирая в памяти сотни подобных случаев, не могу не остановиться на единственном ошибочном. Впрочем, не совсем ошибочном. Дело было опять-таки еще в Польше. Ко мне пришла совсем немолодая женщина. Седые волосы. Усталое доброе лицо. Села передо мной и заплакала:

- Сын... Два месяца ни слуху, ни духу. Что с ним?

- Дайте мне его фото, какой-нибудь предмет сына. Может быть, у Вас есть его письма?

Женщина достала синий казенный конверт, протянула мне. Я извлек из него написанный листок бумаги с пятнами расплывшихся чернил. Видно, много слез пролила за последние два месяца любящая мать над этим листком линованной бумаги.

Мне вовсе не обязательно в таких случаях читать, но все же я

прочитал обращение "Дорогая мама!.." и конец "твой сын Владик". Сосредоточился. И вижу, убежденно вижу, что человек, написавший эти страницы, мертв. Оборачиваюсь к женщине:

- Пани, будьте тверды. Будьте мужественны. У Вас много еще дела в жизни. Вспомните о своей дочери. Она ждет ребенка - Вашего внука. Ведь она без Вас не сумеет вырастить его.

Я было забыл уже об этом случае: в день со мной разговаривали, просили моей помощи, советовались три-четыре человека. И в этом калейдоскопе лиц затерялось усталое доброе лицо, тоскующие глаза матери, потерявшей сына. И, конечно же, сейчас я не смог бы вспомнить о ней, если бы не продолжение этой истории.

Месяца через полтора получаю телеграмму: "Срочно приезжайте". Меня вызывают в тот город, где я был совсем недавно. Приезжаю с первым поездом. Выхожу из вагона - на вокзале толпа. Только ни приветствий, ни цветов, ни улыбок - серьезные, неприветливые лица. Выходит молодой мужчина:

- Вы и есть Мессинг?

- Да, Мессинг - это я.

- Шарлатан Мессинг, думаю, не ожидает от нас доброго приема?

- Почему я шарлатан? Я никогда никого не обманул, не обидел.

- Но Вы похоронили живого!

- Я не могильщик...

- И чуть-чуть не загнали в гроб вот эту женщину. Мою бедную мать.

Смутно припоминаю ее лицо, виденное мной. Спрашиваю:

- Все-таки кого же я заживо похоронил?

- Меня! - отвечает молодой мужчина.

Пошли разбираться, как это всегда в таких случаях было в еврейских местечках, в дом к раввину. Там я вспомнил всю историю.

- Дайте мне, - прошу женщину, - то письмо, что Вы мне тогда показывали.

Раскрывает сумочку, достает. В том же синем конверте, только пятен от слез прибавилось. По моей вине лились эти слезы! Смотрю я на страницы с расплывшимися чернилами - и еще раз прихожу к убеждению: умер человек, написавший это письмо, умер человек, подписавшийся "твой сын Владик"... Но тогда кто же этот молодой мужчина?

- Вас зовут Владик?

- Да, Владислав.

- Вы собственноручно написали это письмо?

- Нет.

Для меня это "нет", как вспышка молнии, озаряющая мир

- А кто его написал?

- Мой друг. Под мою диктовку. У меня болела рука. Мы с ним вместе лежали в больнице.

- Ясно. Ваш друг - умер?

- Да. Умер. Совершенно неожиданно. Он был совсем не тяжело болен.

Обращаюсь к женщине:

- Пани, простите мне те слезы, что Вы пролили после нашей встречи. Но ведь нельзя знать все сразу. Вы мне дали это письмо и сказали, что его написал Ваш сын. Я вижу обращение "мама", подпись "твой сын". И вижу, что рука, написавшая эти слова, - мертва. Вот почему я и сказал, что сын Ваш умер...

Так подробно со всеми деталями рассказал я эту историю потому, что, может быть, се странные события помогут человеку, который будет расшифровывать таинственные сегодня, но абсолютно материальные основы того необычного свойства, о котором я рассказал. Я убежден, что неизвестный механизм этого явления будет когда-нибудь изучен и понят.

Кстати, этим даром владею не только я. В истории записаны, если покопаться в хрониках, в дневниках, в мемуарах, - тысячи совершенно неожиданных и с поразительной точностью сбывшихся предчувствий - интуитивных предвидений.

Да, я знаю, что "прямое познание", "прямое видение" к течение многих лет и столетий в большинстве цивилизованных стран объявлялось шарлатанством, не достойным серьезных людей занятием. Но в последние годы кое-где отношение к этой области непознанного начинает меняться. Я не имею в виду чисто спекулятивные и шарлатанские организации и объединения, а таких много. Я имею в виду научные организации, ставящие своей задачей, отбросив шелуху мистики, разобраться в механизме прямого видения, постараться использовать его для блага людей. Видимо, к числу таких организаций принадлежит созданный в Голландии еще в 1953 году Институт парапсихологии, о котором я прочитал в одном из номеров французского научно-популярного журнала "Сьянс э ви". Этот институт, по сообщению журнала, сотрудничает с Министерством просвещения и полицией.

В статье сообщается, как один из сотрудников института, некто Круае, указал местонахождение трупа утонувшего ребенка, несмотря на то, что не было ничего, что указывало бы на это.

Другой случай, официально запротоколированный и снабженный подписями официальных лиц и полицейских чинов,

произошел с дамой, имевшей неосторожность уронить драгоценное ожерелье... в унитаз. К счастью, ожерелье было застраховано на крупную сумму. Предпочитая найти пропажу, нежели выплачивать большую сумму, страховая компания попыталась в нескольких местах вскрыть канализацию, но сеть труб разветвлялась по всему городу, и поиски фактически были безнадежны. Тогда обратились к некоему Тамару, известному своим даром "ясновидения". Придя в состояние крайней сосредоточенности или, как говорят, "транса", Гамар безошибочно указал то место мостовой, которое следовало вскрыть и где, глубоко под землей, в трубе, действительно, было найдено потерянное ожерелье.

Известно немало других фактов, например, когда человек, наделенный даром "прямого знания", воссоздавал мысленно картину совершенного преступления, давал описание обстановки и точной внешности преступника. Руководствуясь только этим словесным портретом, полиция задержала человека, который сознался в совершенном преступлении и сообщил те детали обстановки убийства, которые были уже известны полиции со слов "ясновидящего". Естественно изумление задержанного, поскольку он точно знал, что никто не видел его и он был единственным на месте преступления.

Мне известно из литературы, что за рубежом в последние годы проводились опыты по изучению и этого явления. В частности, мне известны опыты, поставленные Психологическим обществом в Нью-Йорке. Велись они таким образом. Испытуемый - назовем его условно "ясновидящим" - садился напротив испытателя. Тот вынимал из колоды первую попавшуюся карту так, что ее значение не видел ни он сам, ни ясновидящий, ни свидетели опыта. Глядя только на рубашку карты, ясновидящий называл ее. Только после этого карту переворачивали и убеждались в правоте или ошибочности ответа.

Для того чтобы сделать опыт окончательно и безукоризненно чистым, исключили руки испытуемого. В специальную машину закладывали несколько колод обыкновенных игральных карт. Машина сама их тасовала, а затем выбрасывала по одной карте через определенные промежутки времени. "Ясновидящий" называл значение карты - свидетели опыта записывали, а проверка осуществлялась после того, как заканчивалась целая серия - 25 карт. Затем велась математическая обработка полученных результатов. Не помню уже точных цифр, но они совершенно однозначно свидетельствовали, что испытуемый обладал умением узнавать, какая это карта.

Многие специалисты в западных странах считают, что

ясновидение - такой же точно установленный факт, как и телепатия. Руководитель группы американских исследователей телепатии доктор Ратен считает это явление подтвержденным опытным путем.

Да, предвидение будущего, не научное предвидение, а интуитивное предвидение - существует. Необъяснимо? Да, с нашим нечетким представлением о сущности времени, о его связи с пространством, о взаимосвязях прошлого, настоящего и будущего пока необъяснимо. Ведь, думаю, с этим согласится каждый, что мы еще очень мало знаем о взаимозависимости между прошлым и будущим.

Приведу пример из совершенно другой области. Он касается удивительной способности мгновенного счета. Люди, обладающие подобным талантом, насколько мне известно, встречались во все времена у всех народов. Обычно проявляется эта способность в раннем детстве, причем ребенок четырех - пяти лет, не имеющий вроде бы понятия о четырех действиях, начинает решать задачи, требующие извлечения квадратных и кубических корней, многократного возведения в степень и т. д. Иногда с годами этот дар бесследно исчезает, иногда сохраняется на всю жизнь.

Из наиболее интересных "мгновенных счетчиков" были в разные времена известны француженка Осака, индианка Секунтара Деви, итальянец Жан Иноди, француз Мориц Дагбер и т.д. Осака мгновенно давала ответ на просьбу извлечь корень шестой степени из такого, например, числа: 402 420 747 776 576. Деви за три-четыре секунды отвечала на вопрос, чему будет равен корень 20-й степени из числа, состоящего из 42 цифр. Невозможного для нее не было: "Я еще никогда не достигала своих границ", - сказала она однажды.

У специалистов мгновенного счета нередко спрашивали о секретах их умения, но отвечали они обычно не больше, чем на эти вопросы могу ответить я. Общий смысл ответов состоял в том, что несколько мгновений они ощущают в уме не поддающуюся их контролю чехарду и мелькание цифр, а затем появляется результат. Уследить или проанализировать ход решения они обычно неспособны. Неспособны потому, что самого процесса этого решения практически нет. Есть конечный результат, итог, последняя цифра, вспыхивающая вдруг в итоге напряжения воли подобно тому, как "ясновидящему" открывается вдруг конечный факт в отношении какого-либо лица или события. Это тоже "прямое познание", минующее длинную причинно-логическую цепь и дающее лишь конечное, заключительное звено этой цепи.

Мне хочется сказать здесь и о том, что очень внимательно и

доброжелательно надо относиться к людям, обладающим интересными телепатическими и другими редкими способностями. Мне не раз приходилось слышать, что демонстрация таких способностей особенно удается при благожелательном отношении аудитории, вызывающем особый подъем настроения, рождающем порыв вдохновения испытуемого. И наоборот, при ироническом, скептическом и недоброжелательном отношении вдохновение увядает, самые способности резко уменьшаются. Ну, а злобная или недоброжелательная статья в газете может вообще привести к тому, что у телепата или "ясновидящего" возникает яростное нежелание подвергаться исследованиям, публично демонстрировать свое умение. Между тем наука заинтересована, чтобы обследованиям подвергались все обладающие особыми способностями, ибо без детального изучения этих способностей трудно будет найти им научное объяснение.

Очень часто я ловлю мысли людей, завидующих мне:

- Вот бы мне такие способности. Я бы... А мне хочется сказать этим людям:

- Не завидуйте!

И действительно, чему завидовать? Свойство телепата позволяет мне иной раз услышать о себе такое, что, как говорится, уши вянут. Увы! Так много рождается у людей мыслей, которые совсем не к чему слышать другим и которые обычно не высказывают вслух. Приятно ли слышать о себе бесцеремонные, грубые, лукавые мнения? Так, может быть, способность гипнотического воздействия - завидная вещь?

О, нет! И в доказательство этого могу сослаться на тот факт, что я и сам к этой способности прибегаю крайне редко. Считанное количество раз в своей жизни.

Ну, наверное, самое завидное - умение видеть будущее?

Да тоже нет! Кстати, я никогда не сообщаю людям, что они должны скоро умереть. Стараюсь не сообщать и другие печальные вести. Зачем? Пусть лучше они не ожидают бед и несчастий. Пусть будут счастливы!

Нет, ни одна из этих способностей не дает никаких особенных преимуществ. Если, конечно, их обладатель честный человек и не собирается использовать свое умение в целях личной наживы, обмана, преступлений... Но и в этом случае он не достигнет успеха. Он будет в конце концов обнаружен и, попросту говоря, наказан.

Так что не завидуйте!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня у меня один из дней отдыха. Позади очередная гастрольная поездка с "Психологическими опытами". Впереди еще несколько дней до следующей поездки.

Я дома. Я сегодня не Вольф Мессинг. Сегодня я для всех просто Вольф Григорьевич, обыкновенный человек.

Я живу в Москве, в обыкновенной квартире в новом доме на Ново-Песчаной улице. Я пишу сейчас в комнате за письменным столом, стоящим у окна. Вместо письменного прибора - шахтерская лампа. Слева - кофейный прибор из старинного фарфора. Все это - подарки друзей. Несколько сотен любимых книг. Портрет покойной жены на стене. На телевизоре - кусок удивительной прозрачной горной породы (хрусталя). Я люблю держать его в руках. Подарили мне его горняки в одну из моих поездок по Советскому Союзу.

В этой квартире обитают четверо - вся моя семья. Кроме меня, сестра моей жены - она ведет наше нехитрое хозяйство -да две забавных белых, как снег, собачки Машенька и Пушинка - дочь и мать. Мы все очень доброжелательно относимся друг к другу и стараемся уважать и понимать желания и привычки другого.

Встал я, как всегда, в восемь утра. Сделал несколько дыхательных упражнений. Занялся туалетом. Потом пошел прогуляться с моими четвероногими друзьями.

Возвращаясь с прогулки, достаю из почтового ящика газеты и письма. Устроился на диване и развернул их. Так же, наверное, как это делаете в свой выходной день и Вы, читатель. И так же, как и всех, меня взволновали и расстроили одни сообщения, обрадовали и воодушевили другие. Современный человек не может не жить жизнью всего земного шара, который достижения науки и техники сделали таким маленьким. И меня радуют и печалят сообщения со всех материков Земли - и из Антарктиды, и из Бразилии. и из Австралии, и из Сомали...

В десять я завтракаю. Крепхий кофе с молоком. Пара куриных яиц всмятку. Кусочек хлеба. От завтрака до обеда -разбор почты. Письма приходят ежедневно. Пишут мои зрители. Советуются по самым различным вопросам жизни и творчества. Пишут ученые - нередко из казалось бы далеких областей знания. Я отвечаю на каждое письмо. Иногда - не сразу. Иногда через неделю, а то и через две, когда придет ясность о том, как я должен ответить.

Ну, а если остается время, я отдаю его интересной новой повести, опубликованной в литературном журнале, размышлениям над новыми экспериментами, игре с моими

четвероногими друзьями. В такие часы писалась и эта книга.

В четыре часа - простой домашний обед. Короткий отдых. Включаю телевизор. Это удивительное изобретение доставляет мне массу радости. Оно раздвигает стены дома так, что виден весь мир. И нередко оно заменяет мне посещение театра, концерта, цирка.

Я люблю все виды театрального искусства - от драмы и оперы до цирка и эстрады. Я был знаком со многими выдающимися актерами: с неповторимым Шаляпиным, ироничным Михоэлсом, могучим Провом Садовским, волшебником Вертинским. И раньше каждый свободный вечер проводил в театре, на концерте или в цирке. Сейчас нередко вместо этого я сижу у телевизора. Сознаться ли? - Одна из причин, которая заставляет меня избегать посещения театров - боязнь быть узнанным. Очень неприятно, когда на тебя, пришедшего спокойно и мирно насладиться игрой актеров, искусством постановщика, тайно из-за спины показывают пальцем, а иной раз и бесцеремонно забегают вперед "поглядеть". Это очень мешает. Это одна из причин, почему я избегаю появляться в местах, где много публики.

Иногда вечером заходит кто-нибудь из друзей. Иногда сам я иду к кому-нибудь в гости. Но, как правило, уже в одиннадцать часов я дома. Ведь меня ждут мои четвероногие друзья. Вечерняя прогулка с ними. И в двенадцать часов я уже сплю.

Сегодня я был просто Вольфом Григорьевичем. А завтра у меня снова выступление. Надо будет с утра собирать силы, сосредотачиваться. Надо снова становиться Вольфом Мессингом.

Поверьте, им не легко быть!